

Своя

июль—август 2018

журнал
Никиты Михалкова

ЦВЕТ НАСТРОЕНИЯ — ЛЕТНИЙ

Венецианов и К°:
не утомленные
солнцем

А. КОРЗУХИН. «ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ». 1894

Чисто английское убийство?

Тайны Ипатьевского дома

Пока Вера спала

Николай
Чернышевский
и вечный вопрос

Захар Прилепин:

«Наш фильм о Донбассе
попал в лонг-лист
«Оскара»

Проверку выдержали

НА ВДНХ в павильоне «Рабочий и колхозница» проходит выставка «Проверка на прочность. Избранные произведения из коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств».

Она посвящена индустриальной теме в искусстве Урала. Преобразование природы, грандиозное строительство первых пятилеток нашли свое отражение в работах Самуила Адливанкина, Юрия Пименова, Александра Лабаса и Амшея Нюренберга. Мифологема «рабочий-художник» раскрывается в других произведениях уральских художников. С помощью архивных материалов можно ознакомиться с деятельностью свердловского художественного сообщества 1970–1980-х, в которое входили самобытные, яркие живописцы, графики и скульпторы — Герман

Метелев, Светлана Тарасова, Миша Брусиловский. Их работы также представлены на выставке.

Особое место в экспозиции занимают образцы Невьянской иконописной школы, сложившейся в середине XVIII столетия в старообрядческих центрах Урала. С помощью мультимедийных технологий зрители смогут увидеть Каслинский чугунный павильон, ставший одним из символов Екатеринбургского музея, созданный в свое время для парижской Всемирной выставки 1900 года. Важной частью проекта является зал, посвященный сказам Павла Бажова «Хозяйка медной горы», «Малахитовая шкатулка», «Серебряное копытце». Иллюстрации к ним создавали такие художники, как Олег Коровин, Геннадий Мосин и Виталий Волович.

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

июль—август 2018

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
До чего земля большая...	32–36	Литфонд
Жил, сколь мог, для общего добра
3–7	Наука побеждать
От Курска и Орла война нас довела	37–41	Родное слово
Он — Поэт. Этим и интересен
8–11	Символ веры
Фаворские яблоки	42–46	Званный гость
Захар Прилепин: «Наш фильм о Донбассе
попал в лонг-лист «Оскара»
12–15	Дом Романовых
Чисто английское убийство?	47–51	Великие реалисты
Цвет настроения — летний
16–19	Имена и даты	52–55	Русская Евразия
Беринг родной
20–23	Свой среди чужих
Пока Вера спала	56–59	Стоп-кадр
Не только сладкая женщина
24–27	Русский гений
Так завещал Менделеев	60–63	На семи холмах
На дачу, в глушь, в Сокольники
28–31	Философ о философе
Найти свое высокое Я	64	Трапезная
Язык проглотишь

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

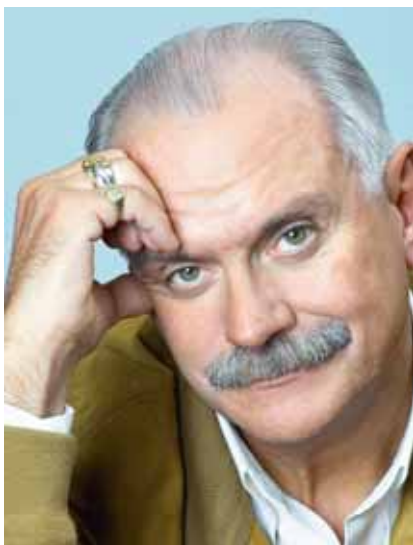
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 4912/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 18 июня 2018 г.

До чего земля большая...

Совсем недавно произошло замечательное событие — открытие Крымского моста. Наконец полуостров русский соединен напрямую с Россией. 15 мая первым по мосту проехал Владимир Путин, за считанные часы тот же путь проделали десятки тысяч машин. Общее Дело сплотило абсолютно всю страну, миллионы — нет, десятки миллионов наших сограждан: тех, кто мост возводил, и тех, кто следил за этой исполинской стройкой с момента забивки в акватории Керченского пролива первой сваи. Такие мгновения прекрасны, незабываемы, крайне необходимы людям, однако...

В минуты всеобщего ликования вдруг поймал себя на «несвоевременной» на первый взгляд мысли: «А Россия, ВСЯ великая Россия — от Балтики до Тихого океана, от арктических морей до китайской границы — она НАША?..» Этот вопрос не дает мне покоя много лет. И я, наверное, сотню раз высказывал, где только можно, свою старую, увы, ставшую за последние годы еще более актуальной идею о необходимости прибратся в стране.

Наша земля продолжает покрываться, словно язвами, ядовитыми, зловонными свалками. Гигантские помойки подбираются к жилым кварталам. В мусоре утопают наши леса, а вековые сосны и кедры идут кругляком за границу. Как и в предшествующие десятилетия, загрязняются реки и озера, бесценные источники дефицитной в масштабах планеты питьевой воды, а по берегам водоемов тянутся кладбища когда-то процветавших фабрик и заводов, давно отживших свой срок кораблей...

На страницах журнала «Свой» я уже обращался к этой теме в преддверии Года экологии, говорил о необходимости специальных госпрограмм, о важности Большой Уборки, способной объединить всех, кто любит Россию, хочет здесь жить и не ищет для себя запасной аэродром; о том, что нужно приобщать к Делу талантливых артистов, шоуменов, популярных политиков — тех, кто способен увлечь общество архиполезной идеей, избежав сползания в принудилровку.

«До чего земля большая, величайшая земля. И была б она чужая, чья-нибудь, а то — своя» — эти пронзительные строки Твардовского, пожалуй, могли бы стать девизом для всех, кто считает Россию СВОЕЙ.

Страна за 5–6 лет подняла оборону на невероятный уровень, досрочно ввела в эксплуатацию Крымский мост, показав, что, пока мы едины, мы непобедимы. Так неужели сейчас мы не сможем организовать людей и навести порядок, прибратся в родном доме?

В новом политическом сезоне — а начнется он в сентябре — я наверняка еще не раз буду поднимать эту крайне болезненную тему. Пока же искренне желаю друзьям — читателям нашего журнала погожих и радостных летних дней, окрепнуть здоровьем, а главное, духом! Нам с вами предстоит еще множество общих дел.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of a large, flowing loop followed by a series of smaller, connected strokes.

От Курска и Орла война нас довела

Ранним утром 5 июля 1943 года Верховный главнокомандующий находился у себя на даче. Он не спал всю ночь, с нетерпением ожидая срочных сообщений с фронта. Наконец раздался телефонный звонок... «Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил: «Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!» «А чему вы радуетесь?» — несколько удивленно спросил Верховный. «Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин!» — ответил Константин Константинович»...

В этих строках из воспоминаний Александра Голованова (в 1943-м — командующий авиацией дальнего действия, генерал-полковник) бесценно каждое слово. Тут и прямое указание на великий талант полководца, чей расчет полностью оправдался, и наведение фокуса на ключевой момент нашей истории.

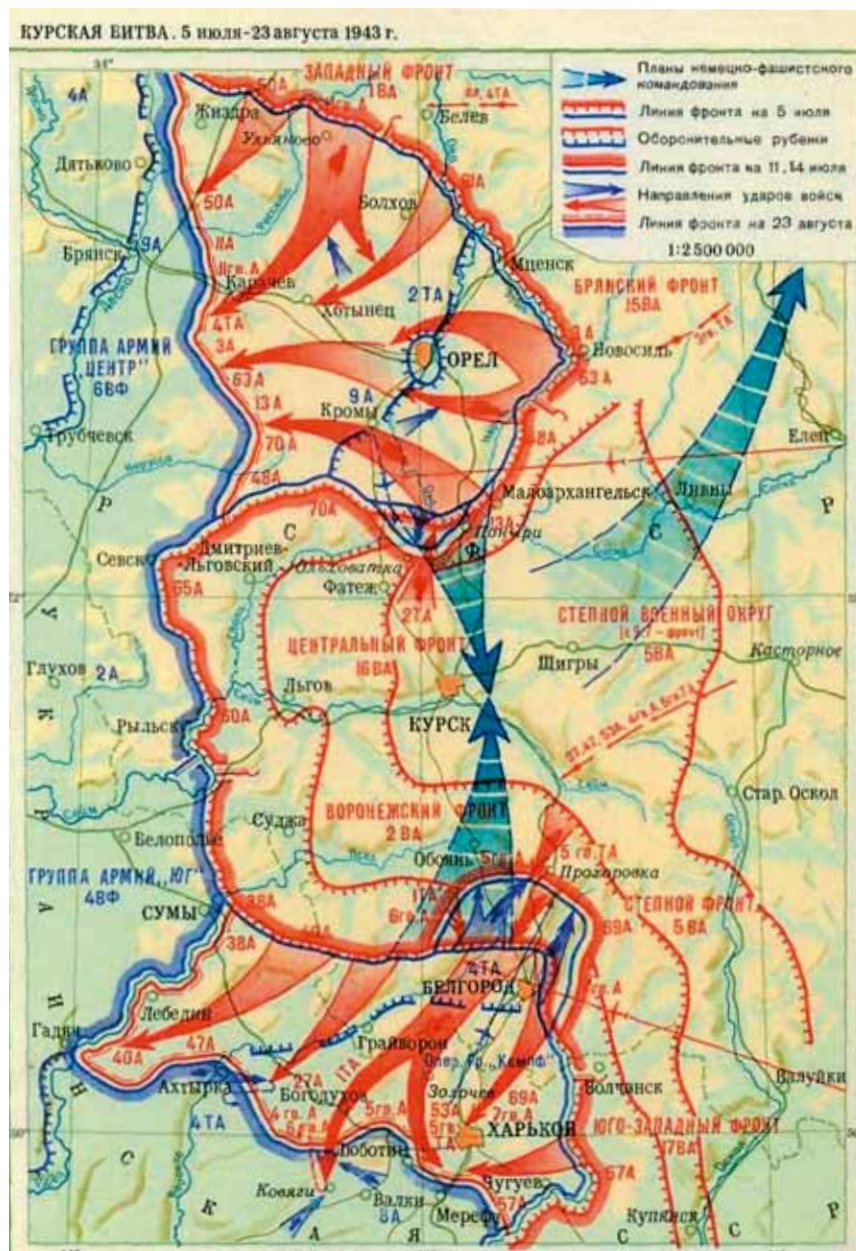
Валерий Шамбаров

На Восточном фронте — перемены

У нас почему-то любят цитировать высказывание Уинстона Черчилля: «Три огромных сражения за Курск, Орел и Харьков, все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте». Хотя, с одной стороны, британец отметил то, что очевидно для всех и каждого, с другой — вольно или невольно «сузил» значение триумфа Красной армии до масштабов Восточного фронта. Напрашивается вопрос, впрочем, сугубо риторический: «А что происходило в тот же период на Западном фронте?»..»

Курское сражение — не только переломный этап в ходе Второй мировой, но и крупнейшая в истории человечества танковая битва. Именно тогда в полной мере проявилось полководческое искусство советского командования. Намерения противника оно просчитало настолько четко, а меры противодействия продумало так грамотно, что гитлеровцы еще до начала своей операции были обречены на провал.

Немцы слыли отменными специалистами, громили противников, значительно превосходивших их по численности, как это было в 1940-м в боях против французов, британцев, бельгийцев, голландцев. Примерно то же самое повторилось в 1941-м и 1942-м на советской земле: бронированные армады концентрировались на узких участках, проламывали позиции, формировали «котлы» окружений, брали в плен или уничтожали метавшихся в условиях всеобщей паники и хаоса солдат.

В 1943-м положение на фронте сильно изменилось. Позади были Сталинград, контрнаступление Красной армии, растрепавшее врагов, гнавшее их прочь от Волги и Кавказа.

Правда, наши войска несколько переоценили тогда свои успехи — Германия все еще была очень сильна. Перебросив резервы, фашисты нанесли встречные удары. Весенняя распутица, моря грязи на некоторое время развели сражавшихся. Фронт замер, образовав дугу шириной около 200 км и глубиной 150 км. В центре — освобожденный Курск, на флангах —

оставшиеся в оккупации Орел и Белгород.

Операция «Цитадель»

Германское командование планировало летом вновь перейти в наступление. Однако после двух лет тяжелейшей войны фрицы не могли атаковать по всем направлениям, были вынуждены сосредоточивать силы на одном из участков — на Курской дуге. Требовалось прорвать советские фланги, и тогда угроза оказалась в мешке замаячила бы перед двумя нашими фронтами — Центральным и Воронежским. При

таких обстоятельствах для врага открывались пути в глубь России...

Эту потенциально благоприятную для них ситуацию гитлеровцы обсуждали еще в марте 1943-го. Намечали подвезти за время распутицы горючее и боеприпасы, от Белгорода двинуть группу армий «Юг», от Орла — группу армий «Центр». И вдруг выяснилось: обе оказались сильно обескровлены, нуждались в пополнениях. Операцию под названием «Цитадель» отложили на июнь. Но и этого срока оказалось мало. Генералы принялись доказывать фюреру, что у русских сильная оборона, а войска вермахта еще не оправившись от зимних боев и нуждаются в дополнительном усилении танками и артиллерией. Командующий 9-й армией Вальтер Модель уговаривал вообще не наступать, а закрепиться на ранее занятых рубежах.

Выжидать и обороняться Гитлер не желал — прежде всего из политических соображений. После Сталинграда зашаталась вся коалиция — Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия, Словакия, Болгария стали лавировать, искать возможности выхода из войны. Да и в самой Германии нарастало уныние. Взбодрить немцев, а заодно воодушевить союзников могла только большая победа. Операцию «Цитадель» тем не менее еще раз отложили — теперь уже на начало июля.

Нацистская верхушка, основываясь на опыте прошлых лет, верила, что победа возможна, гипнотизировала себя пропагандистскими штампами: русские побеждают лишь зимой, им помогает «генерал Мороз».

На флангах Курской дуги гитлеровцы образовали два кулака — 2700 танков, 2000 самолетов, 900 000 солдат. Особые надежды возлагали на новейшие «Тигры», «Пантеры», самоходки «Фердинанд».

Вспомнить Румянцева, вспомнить Кутузова...

Трехмесячную передышку наша страна использовала лучше, чем неприятель. В 1943 году вышли на

полную мощность заводы, эвакуированные из западных областей, завершилось переоборудование других предприятий. Советская промышленность обогнала вражескую, и это было невероятным достижением, голодные женщины, старики и дети, стоявшие за станками, превосходили чуть ли не всю Европу — Германию, Италию, Францию, Бельгию, Голландию, Чехию, Польшу. Самоотверженный труд работников тыла обеспечил Красной армии почти двукратный перевес в танках и артиллерии, почти трехкратный — в авиации.

Изменилось качество наших войск, окрепла уверенность бойцов в себе.

Превосходно действовали разведчики. С планом «Цитадель» Сталина ознакомили на три дня раньше, чем его утвердил Гитлер; подтвердили концентрацию противника под Орлом и Белгородом.

Командующий Воронежским фронтом Николай Ватутин предлагал упредить немцев, ударить первыми. Георгий Жуков, начальник Генштаба Александр Василевский и командующий Центральным фронтом Константин Рокоссовский высказались за другое решение, поддержанное Сталиным, — дожидаться наступления врага, измотать его, находясь в обороне, а уж потом перейти в контратаку.

Подготовка была проведена колоссальная. Курскую дугу прикрыли Центральный и Воронежский фронты — 1,3 миллиона человек, 20 000 орудий, 3300 танков, 2650 самолетов. В тылах развернулся резерв, Степной фронт — 580 000 человек, 1600 танков, 9000 орудий. Наши воины вырыли 11 000 км траншей, оборудовали минные поля, противотанковые опорные пункты. Появились противотанковые истребительные полки, в которые отбирали лучших артиллеристов, натренированных в снайперской стрельбе: если нельзя поразить лобовую броню «Тигра» или «Пантеры», то можно попасть по гусеницам, стволу пушки, смотровым щелям. Наше командование запланирова-

ФОТО: ИВАН ШЛАГИН/РИА НОВОСТИ

Атака 5-й Гвардейской танковой армии в районе Прохоровки

ло провести фланговые операции «Кутузов» и «Полководец Румянцев». По сути, это была ловушка, ей предстояло сработать тогда, когда немцы увязнут в боях...

Лоб в лоб

5 июля земля затряслась от разрывов бомб и снарядов, задрожала под гусеницами танковых лавин.

Впоследствии Жуков и Василевский признавали: если бы артиллерийскую контрподготовку провели на полчаса позже, то она накрыла бы скопища германских солдат. Но — поспешили, и потери врага оказались незначительными. На второй день, стремясь облегчить положение изнемогавшей пехоты, пытались нанести контрудары. На северном фасе Константин Рокоссовский бросил вперед 2-ю танковую армию, на южном — такой же приказ двум танковым корпусам отдал Ватутин. Увы, маневр опять оказался преждевременным. Русские танкисты столкнулись лоб в лоб с большой массой вражеской бронетехники, понесли тяжелые потери.

Эти неудачи не изменили общего хода сражения. Наши солдаты показали себя настоящими героями. Поля под Орлом и Белгородом были усыпаны телами противника, горами искореженного металла. На северном фасе 9-я армия Моделя за неделю сумела продвинуться всего на 12 км и была порядком измочалена. Командующий группой армий «Центр» Ханс фон Клюге силился во что бы то ни стало провалить оборону советских войск, начал перебрасывать дивизии с соседнего участка.

Но именно этого и ждали наши военачальники. Пока армии Рокоссовского сдерживали шквальный натиск, к северу изготавились для совместного удара Брянский и Западный фронты, 12 июля они перешли в наступление и опрокинули немцев, двинулись прямо в тылы ударной группировке Моделя. Вот теперь ловушка сработала!

Советские солдаты в освобожденном селе

ФОТО: ИТАР-ТАСС

После разгрома фашистов в районе Курска

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Немецкие солдаты, взятые в плен под Курском

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В тот же день разыгрались две битвы железных армад. Западнее Прохоровки главные силы 5-й танковой армии схлестнулись с четырьмя дивизиями гитлеровцев, а южнее Прохоровки три германские дивизии противостояли бригадам генерала Кузьмы Труфанова. Обе стороны понесли огромный урон, однако к советским войскам выдвигались подкрепления, а ударные кулаки нацистов к тому моменту пополнялись уже дважды, и подмогу им ждать было неоткуда...

После ряда неудач германские военачальники задержались, принялись снимать войска с одного направления, чтобы ликвидировать угрозу на другом. А это создало благоприятные условия для нашего Центрального фронта. Красная армия перешла в наступление...

Освобождение

Стратегические и оперативно-тактические приемы, впервые использованные во время Курской битвы, — систему последовательных ударов на разных участках, заставляющих врага метаться и распылять силы, — советское командование применяло вплоть до конца Великой Отечественной.

Добавили жару фашистам партизаны. 3 августа на железные дороги вдруг выплеснулись отряды Белоруссии, Украины, Смоленщины, Брянщины, всюду заполыхали зарева рельсовой войны. В критический для неприятеля момент, когда ему, как воздух, требовались резервы, техника, боеприпасы, поток перевозок сократился на 35–40 процентов, а дороги через Белоруссию оказались совершенно парализованы.

Западный, Брянский и Центральный фронты обтекали германскую группировку под Орлом с трех сторон. Ключе и Модель не желали повторять судьбу Паулюса, бросились вытаскивать войска из наметившегося мешка.

5 августа Орел праздновал освобождение.

На другом фланге Курской дуги повторилось то же самое. 17 июля перешли в наступление наши Юго-Западный и Южный фронты. Командующему группой армий «Юг» Эриху фон Манштейну пришлось раздвигать свои силы, отправлять их то южнее — прикрывать Донбасс, то севернее — под Орел. Воронежский и Степной фронты сломили ослабленную группировку и взяли Белгород — также 5 августа.

Когда Сталину доложили об этом, он вспомнил, что в царской России выдающиеся победы отмечали звоном колоколов и всеобщими молебнами. В советских условиях вождь предложил новую традицию — салюты. Небо над Москвой впервые расцветилось ракетами, торжествующе грохнули праздничные залпы.

Дорога на Берлин

Гитлер осознал провал своих планов 11 августа. В этот день он подписал директиву о строительстве мощнейшей позиционной обороны, которая должна была протянуться по рекам Великой, Днепру, Молочной, упираясь флангами в Финский залив и Азовское море. И теперь нацисты не смирились с разгромом, предприняли еще одну попытку кардинально изменить ситуацию, лихорадочно возводили укрепления под Харьковом, превращали крупный русский город в неприступную крепость. С заводов им везли новенькие танки, экипажи разбитых машин получали свежую технику. Остатки корпусов немцы переформировывали прямо на ходу и тут же бросали в контратаки.

Основные усилия наших армий были перенесены как раз на харьковское направление. Сюда поворачивали группировки из-под Орла, из Донбасса, перемещались силы Степного, Воронежского и Юго-Западного фронтов.

С тяжелыми боями русские окружали город, однако преднамеренно не замкнули кольцо, дорога в собственный тыл осталась для противника свободной. Это оправдало себя: немцы не выдержали, стали выбирать из крепости, а их били артиллерией, авиацией, громили в открытой степи.

Дата освобождения Харькова, 23 августа, считается завершением Курской битвы, Днем воинской славы России. Самоотверженность наших солдат и офицеров, героический труд всего народа, умелое командование обеспечили грандиозную победу. Хребет нацистской империи надломился. Она лишилась последних надежд выиграть войну. Отныне инициатива прочно перешла к Красной армии. Век Третьего рейха стал исчисляться не столько годами, сколько километрами: от Курска, Орла, Белгорода — до Берлина.

Скульптура Покрова Божией Матери. Мемориальный комплекс «Прохоровское поле»

ФОТО: ЮРИЙ КАВЕР/РИА НОВОСТИ

ФОТО: ДМИТРИЙ ФЕОКТИСТОВ/ТАСС

Фаворские яблоки

Андрей Самохин

Двунадесятый праздник Преображения Господня, ежегодно отмечаемый у нас 19 августа, именуется в народе Яблочным Спасом. В этот солнечный, радостный, любимый художниками, поэтами и монахами день православный люд вспоминает о чудесном фаворском сиянии и несет освящать спелые плоды нового урожая.

«Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою... да возсияет и нам грешным свет Твой...» — такие слова целую неделю звучат во всех православных храмах, многие из которых и сами названы Преображенскими.

«Обыкновенно свет без пламени исходит в этот день с Фавора, и осень, ясная, как знаменье, к себе приковывает взоры», — писал об августовских торжествах Борис Пастернак.

И одежда Его сделалась белою, блистающею

Согласно Священному Писанию, на гору Фавор поднялся помолиться Спаситель, а с Ним — три избранных ученика: Петр и братья Зеведеевы, Иаков и Иоанн. «И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею», — говорится в Евангелии от Луки. Они увидели пророков Моисея и Илию, которые беседовали со Христом. Вне себя от радости Петр предложил: «Наставник! хорошо нам здесь быть, сделаем три кущи, одну — Тебе, одну — Моисею и одну — Илию».

Куща — значит шалаш, укрытие от солнца и непогоды. Но Иисус в ветхом укрытии не нуждался вовсе. «Когда же он (Петр) говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако. И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте».

лендаре. И хотя знаменательный случай произошел за 40 дней до распятия Спасителя, Преображение празднуется в августе, а не феврале. Иначе оно пришлось бы на Великий пост и, вероятно, не стало бы столь радостным и торжественным.

В пользу того, что перенос был во всех смыслах правильным, свидетельствует «обыкновенное чудо», происходящее ежегодно на Фаворе именно 19 августа. Над православным монастырем, расположенным на горе, посреди ясного безоблачного неба вдруг стремительно материализуется облако и плавно опускается на обитель. Иногда озаряется всполохами, похожими на грозовые, но — без грома. Порой вспышки образуют яркую, искрящуюся дугу. Примечательно, что с находящимся рядом францисканским монастырем чудесное явление никак не соприкасается.

Феномен Благодатного облака подтвержден тысячами свидетельств, а также международной научной комиссией 2010 года, в которую вошли и метеорологи,

Уже в первые века нашей эры это событие было признано одной из важнейших вех в земной жизни Христа. Тогда же родился специальный термин — «фаворский (божественный, неземной) свет».

В IV столетии равноапостольная Елена, мать Константина Великого, возвела на горе Фавор храм в честь Преображения Господня. Некоторое время одноименный праздник был местным, отмечался лишь на землях Палестины, но с V века распространился по всему христианскому Востоку и вошел в годичный церковный круг как Господский — то есть неподвижный в ка-

зафиксировавшей его и подтвердившей с помощью фото- и видеоматериалов.

Кто тут Преображенский?

Исторически сложилось так, что главные соборы на Руси издревле освящались как Успенские. Хотя церквей и часовен, посвященных Преображению, тоже немало. Самым старым из них считается Спасо-Преображенский собор в Чернигове, заложенный при князе Мстиславе Владимировиче и построенный предположительно в середине XI века. Интересно, что храм

СИМВОЛ ВЕРЫ

ФОТО: ИГОРЬ ОНУЧИН/РИА НОВОСТИ

ФОТО: МАКСИМ БОГОДИДЬЯ/РИА НОВОСТИ

этот — древнейший сохранившийся памятник древнерусского зодчества.

Среди наиболее известных русских монастырей чудесному событию на горе Фавор посвящены два: Соловецкий и Валаамский. Оба — ставропигиальные, то есть подчиняющиеся напрямую патриарху. В Москве есть Новоспасский (также ставропигиальный) мужской монастырь со Спасо-Преображенским собором. Вообще же, действующих Преображенских храмов в Белокаменной около десятка. Скоро к ним добавятся еще несколько. Например, в рамках патриаршей программы «200 храмов» такие возводятся в Нагатино-Садовниках и Старом Беляево.

Парадоксально, но хорошо известная москвичам и славная своей историей церковь Спаса Преображения возле метро «Преображенская площадь» — самая молодая из одноименных. В 1768-м она, построенная из камня, возникла на месте прежней деревянной, в 1964-м была варварски разрушена, а в 2015-м — воссоздана.

После отмены крепостного права крестьянам часто давали фамилии по названию сел, откуда они были родом. Еще раньше аналогичные «привилегии» даровали молодым людям, поступавшим в духовные училища. Среди знаменитых Преображенских были историки, филологи, летчики, врачи, писатели, даже революционеры. Но, похоже, всех их в массовом сознании затмил выдуманный Михаилом Булгаковым литературный герой — Филипп Филиппович. Больно уж колоритная и символическая фигура получилась...

Горный свет

Знаменитые православные богословы ранних веков Иоанн Дамаскин, Григорий Нисский, Василий Великий, Максим Исповедник и, конечно, философ-мистик, основатель течения исихазма (греч. — покой, безмолвие) святитель Григорий Палама посвятили теме Преображения тысячи страниц своих трудов. Последний из названных утверждал, например, что богочеловеку Христу никакого сверхъестественного «удучшения» изначально не требовалось. Иисус показал себя на горе таким, каким был до сотворения

ФОТО: ИГОРЬ ПОДГОРНЫЙ/РИА НОВОСТИ

мира. На горе Фавор чудесно преобразились души апостолов, открылись — в духовном смысле — их глаза. «Очи получили силу Духа, благодаря которой видели таковое», — говорит Григорий Палама. Поэтому-то и не заметили фаворского света находившиеся поблизости пастухи, хотя воссиял он ярче солнца.

Другими словами, Бог дает людям шанс (и не один) прозреть, стать намного светлее и чище, уподобиться ангелам. Подобного возвышения человека не знала до появления христианства ни одна религия.

Со временем вокруг идеи приобщения к божественной энергии (по-гречески теозису) сформировалось отдельное направление христианской философии. Его принципиальное отличие от оккультных практик «самосовершенствования» заключается в том, что подняться до горных вершин возможно не благодаря «сверхспособностям» и «сверхзнаниям», а лишь удостоившись Благодати Господней.

Важна и другая оригинальная мысль Паламы: видеть неземной облик Учителя сподобились лишь лучшие ученики, те, кому это было «дано».

Однако такое избранничество не имеет ничего общего с гордыней. Наоборот — прямо противоположно ей. Недаром яркий отблеск фаворского света видели на лицах самых смиренных русских святых Сергия Радонежского и Серафима Саровского.

ФОТО: ВЛАДИМИР СМЕРНОВ/ТАСС

ФОТО: ВЛАДИМИР СМЕРНОВ/ТАСС

Везде по-разному

На Преображение Господне густой яблочный дух наполняет церкви. Перед окроплением яблок и других даров природы священники читают прихожанам особую молитву, прося Господа просветить их сердца лучами Своей благодати. Спелые плоды — зримый символ не только временной, земной радости, но и райского сада, который уготован Христом для добрых и честных людей.

«Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного», — так говорит Христос в Евангелии от Матфея.

В разных местах православного мира имеются свои особенности празднования. На горе Фавор каждый год собираются сотни паломников и ждут схождения Благодатного облака — иногда до поздней ночи. В монашеской республике на Афоне насельники Великой лавры поднимаются в канун праздника к вершине Святой горы — с ослами, груженными провизией, облачениями и священными сосудами. На высоте 2033 метра — «выше облаков» — стоит часовня Преображения Господня, где совершается всенощное бдение. На Афоне ходит легенда о братстве двенадцати отшельников, которые уже много веков обретаются в глубине полуострова, переходя с место на место. После смерти любого из братьев избранный состав пополняется новым — из окрестных монастырей и скитов. Согласно той же легенде, в час конца света они поднимутся на Святую гору и отслужат в часовне последний молебен — о преображении всего мира.

Одно из самых красивых описаний праздника находим у Ивана Шмелева в романе «Лето Господне»: «Праздник Преображения Господня. Золотое и голубое утро, в холодочке. В церкви — не протолкаться. Я стою в загородке свечного ящика. Отец позвякивает серебром и медью, дает и дает свечки. Они текут и текут из ящичков изломившейся белой лентой, постукивают тонко-сухо, прыгают по плечам, над головами, идут к иконам — передаются — к «Празднику!». Проплывают над головами узелочки — все яблоки, просвирки, яблоки. Наши корзины на амвоне, «обкадятся», — сказал мне Горкин. Он суетится в церкви, мелькает его борода. В спертom горячем воздухе пахнет нынче особенным — свежими яблоками. Они везде, даже на клиросе, присунуты даже на хоругвях. Необыкновенно, весело — будто гости, и церковь — совсем не церковь. И все, кажется мне, только и думают об яблоках. И Господь здесь со всеми, и Он тоже думает об яблоках: Ему-то и принесли их — посмотри, Господи, какие! А Он посмотрит и скажет всем: «ну и хорошо, и ешьте на здоровье, детки!» И будут есть уже совсем другие, не покупные, а церковные яблоки, святые. Это и есть — Преображение».

Через года и расстояния «парижанину» Шмелеву вторил из Переделкино поэт Пастернак: «Прошай, лазурь Преображенская и золото второго Спаса».

Дом
Романовых

Чисто английское убийство?

Валерий Хмельницкий

17 июля 1918-го в Екатеринбурге были убиты последний русский государь Николай II, его жена Александра Федоровна, дети Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей, а также лейб-медик Евгений Боткин, повар Иван Харитонов, камердинер Алексей Трупп и горничная Анна Демидова.

Множество загадок, окутавших эту страшную драму, не разгадано и поныне, целый век спустя. Расследование обстоятельств гибели царской семьи, проведенное в 1990-е и будто бы расставившее все точки над «i», Русскую православную церковь по объективным причинам не удовлетворило. Оно было возобновлено в сентябре 2015-го и проводится до сих пор.

МЫ НЕ ЗНАЕМ, как скоро будет вынесен окончательный вердикт относительно принадлежности найденных под Екатеринбургом останков. Рассмотрим пока некоторые не афишируемые в СМИ обстоятельства трагедии вековой давности, а вместе с тем столь же малоизвестные ее последствия. Сегодня вновь, как и в давно минувшие эпохи, у нас стало расхожим выражение «англичанка гадит». Означает оно примерно следующее: ни

одна нация так не поднаторела в «искусстве» глобальных политических провокаций, как англосаксы. За прошлые и нынешнее столетия эти «джентльмены» инспирировали по всему миру немало войн и социальных потрясений. Не обошлось без «англичанки» и в истории с последними днями жизни Николая II. И заговор по его свержению организовала именно Британия. Об этом даже французская разведка, встревоженная подрывной операцией Лондона, доносила своему политическому руководству.

6 апреля 1918-го Яков Свердлов от имени президиума ВЦИК подписал решение о переводе царской семьи в Екатеринбург. Для узников выбрали дом Ипатьева, который — совпадение?! — располагался рядом с резиденцией британского консула Томаса Престона и хорошо просматривался из его окон. Этот город был «вотчиной» Свердлова, бывшего вожака уральских боевиков, здесь верховодили его подручные Александр Белобородов, Филипп Голощекин, Петр Войков, Яков Юровский и другие. Престон же находился в Екатеринбурге с 1913 года, обеспечивал интересы британских промышленников на Урале. С большевиками у него также установились прекрасные отношения, что неудивительно: невзирая на Гражданскую войну, с англичанами и американцами тесные связи поддерживали и Свердлов, и Троцкий.

При переезде царской семьи из Тобольска от нее отдалили воспитателей-иностранцев Пьера Жильяра и Сиднея Гиббса. Те обратились к Престону, умоляя спасти государя и его близких, но получили ответ: по британским данным, положение Романовых «не является угрожающим».

По словам американского историка Ричарда Спенса, один из лучших разведчиков «Интеллидженс сервис», майор Стивен Аллей, якобы получил задание провести операцию по спасению царя, собрал в Екатеринбурге группу из шести русскоговорящих агентов, а те установили за домом Ипатьева пристальное наблюдение. Однако в мае без объяснения причин эта деятельность была прекращена.

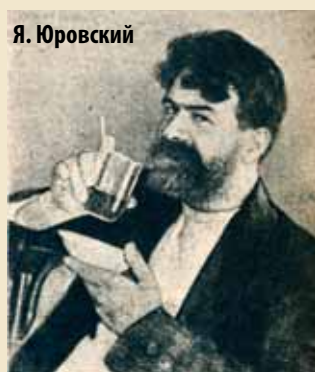
Престон каждое утро с чердака своего дома наблюдал за прогулками экс-императора, информируя других иностранных дипломатов: «Груз еще здесь». Без контактов со своим консулом английский шпион Аллей обойтись не мог, и тем не менее впоследствии о нем совершенно не упоминал. И Престон, всячески

Т. Престон

Я. Свердлов

Я. Юровский

ФОТО: РИА НОВОСТИ

изображавший, будто пытался спасти Романовых, отчего-то нигде не называл Аллея. Но факт остается фактом: в городе присутствовала команда британских разведчиков.

В своих отчетах и последующих интервью глава дипломатической миссии в Екатеринбурге указывал, что «почти каждый день» бывал в Уральском совете, хлопотал об «облегчении участи» царя, и ему за это даже угрожали расстрелом. Это ложь, местные руководители перед ним даже заискивали, а ходатайств о судьбе государя и его семьи от англичан не зафиксировано ни одного. Зато они поступали от Германии. В Берлине в это время родился план: поддержать русских монархистов, избавиться от большевиков; если немцы даже проиграют в мировой войне, то Россия превратится в их друга, как минимум — в основного экономического партнера.

24 июня советский полпред в Германии Адольф Иоффе доложил Ленину: министр иностранных дел Рихард Кюльман выступил с предупреждением о том, что гибель государя «страшно повредит» большевикам. Иоффе настаивал: если «что-то произойдет» — необходимо показать «нашу непричастность». Германский посол в Москве Вильгельм Мирбах требовал очной ставки с бывшим русским императором, но вскоре был убит в ходе провокации «левоэсеровского мятежа» (об этом «Свой» рассказывал в сентябрьском номере за 2017 год). По данным профессора Спенса, теракт был организован капитаном британской SIS и советником Троцкого Джорджем Хиллом.

Тогдашние донесения Престона в Лондон сегодня рассекречены. Он взывал к властям: надо «захватить Романовых», иначе они попадут в руки Германии и «станут козырной картой для будущей германофильской монархической ориентации». Что подразумевалось под словом «захватить», если члены царской семьи уже находились под стражей? Подготовка к цареубийству началась одновременно с ликвидацией Мирбаха. На тот же съезд Советов, где разыграли «левоэсеровский мятеж», из Екатеринбурга приезжал друг Свердлова Голощекин и, очевидно, получал какие-то инструкции. Сразу после его возвращения в доме Ипатьева сменили охрану, стали экстренно запасать керосин. Престон позже обмолвился: он знал о закупках серной кислоты.

Спасти царскую семью было возможно. В июле уральские рабочие взбунтовались против большевиков, а чехословаки к тому времени заняли Кыштым, что в 130 км от Екатеринбурга. Однако последних союзное командование вдруг повернуло в другую сторону...

Так возник предлог для расправы над бывшим царем и его близкими. В ночь на 17 июля, якобы по инициативе Уральского совета, в подвале дома Ипатьева все они были убиты. Тела вывезли в район Ганиной Ямы и сожгли.

Когда Екатеринбург заняли белые, военный министр Сибирского правительства Алексей Гришин-Алмазов начал было расследование, но его сразу же отправили в отставку. Перебравшись на юг, он заявлял, что против него «повел интригу английский консул Престон, роль которого вообще предстает загадочной».

В 1919 году дело поручили следователю Николаю Соколову, к нему присоединился генерал Михаил Дитерихс. И тут стали всплывать доказательства того, что злодеяние носило характер не только политический, но и оккультный, имел все признаки антихристианского жертвоприношения. Тела государя и его родных оказались обезглавлены. (Цареубийца Юровский прежде увез в Москву некие грубо сколоченные ящики.) На стене подвала Ипатьевского дома виднелись каббалистические надписи.

И тут снова — куда же без них — вышли на авансцену британцы. К Соколову подключился корреспондент «Таймс» Роберт Вильтон. Как и все английские журналисты в России, он сотрудничал с разведкой и сделал все от него зависящее, чтобы следствие напало на ложный след. Чуть позже Вильтон выпустил первую книгу о цареубийстве, как бы наметив ориентиры и для дальнейшего расследования, и для его описания в мемуарах Соколова и Дитерихса. И снова натываемся на крайне любопытный факт —

данное следствие вообще обошло стороной участие в деле консула Томаса Престона. И это при том, что он являлся одним из главных свидетелей, ежедневно наблюдал за домом Ипатьева.

К нему же, Престону, при эвакуации из Екатеринбурга почему-то попала часть вещественных доказательств.

В 1972 году в интервью газете The Spectator он говорил: «На мою долю выпало вывезти из Сибири все, что осталось от останков несчастной Императорской Семьи! Эти останки достигли Букингемского дворца. Когда меня принял Его Величество король Георг V в феврале 1921 г., мы обсуждали этот вопрос, и Его Величество сказал, что мощи были в таком состоянии, что их приходилось окуривать, прежде чем притронуться».

Консул отследил операцию по уничтожению от начала до конца. При детальном ознакомлении с фактами почти неизбежно возникает вопрос: а не он ли ее непосредственно курировал?

Картина цареубийства до сих пор покрыта мраком. Соколов заключил, что палачами были «латыши во главе с Юровским». «Латышей», то есть нерусских, говоривших с акцентом, никто в тех краях не знал, они были приезжими. И как тут не вспомнить выше приведенное обстоятельство: в городе тогда находилась команда, состоявшая из шести британских агентов...

Есть некоторые неувязки и в соколовской версии о расстреле: тесный подвал для этого малоприспособлен — из-за опасности рикошетов. Дитерихс привел соображения, позволяющие предположить, что убивали холодным оружием, а расстрел всего лишь имитировался: «Пулевых следов в комнате имелось от 28 до 35, причем большая часть их была от пуль, не проходивших человеческое тело»; «Тела рубились одетыми. Только таким изуверством можно объяснить находку обожженных костей

и драгоценностей со следами порубки, а драгоценных камней — раздробленными». Много позже о том же говорил святой провидец, один из известнейших старцев Николай Гурьянов: «Детей истязали на глазах онемевших святых Страдальцев, особо истязуем был Царственный Отрок... Царица не проронила ни слова, Государь весь стал белый».

Разумеется, не только англичане наводили тень на плетень. Советские историографы им в этом вольно или невольно помогли. Первыми публикациями на тему убийства Николая II и его близких стали в СССР (еще в 1920-е) очерк и книга Павла Быкова «Последние дни Романовых». Подробности событий впервые были отражены в «записке Юровского». Некоторые авторитетные специалисты полагают, что автором последней являлся «красный академик», известный своими фальсификациями истории Михаил Покровский. Одним из его последователей слыл идеолог партии Михаил Суслов. По словам православной исследовательницы Анны Зубковой, жена цареубийцы Мария занимала в 1920-е высокое положение, именно она продвинула Суслова на партийную работу.

В 1960-е во многом благодаря Михаилу Андреевичу снова вспыхнул интерес к «царской теме». Подчиненные Суслова в ЦК Леонид Ильичев и Александр Яковлев (будущий «прораб перестройки») начали собирать «свидетельства» якобы участников цареубийства. На радио (ведомство Яковлева) записали рассказы бывших охранников экс-монарха Григория Никулина, Исаия Родзинского, Алексея Кабанова. Всплыли «мемуары» уже умерших Петра Ермакова, Михаила Медведева-Кудрина (его сын работал у Яковлева). Некая журналистка нашла в Риге старика Яна Свикке, хваставшегося тем, что он расстреливал царя, и составившего список «латышей».

Дом Ипатьева в Екатеринбурге

Подвал Ипатьевского дома со следами пуль

В 1990-е архивы рассекретили, «воспоминания» стали доступны. В них обнаружилась масса несоответствий, и все эти «документы» подгонялись под один источник — «записку Юровского». Свикке к дому Ипатьева не имел никакого отношения — примазывался к «чужой славе». Остальные же «участники» не входили в число особо доверенных — в глазах большевистского руководства — лиц. Скорее всего, в ночь трагедии они лишь охраняли здание снаружи. Так что из всех царевичей до сего дня доподлинно известен лишь один — Яков Юровский.

Сомнительные «воспоминания», невзирая на прежнюю сверхсекретность, были предоставлены Марку Касвинову (радиожурналисту, подчиненному Яковлеву), и у него родилась книга «Двадцать три ступени вниз». Материалы следствия и фотографии показывают — ступеней в подвал Ипатьевского дома насчитывалось 19. «Мистическое совпадение» между ними и 23 годами царствования Николая II Касвинов выдумал, а очевидная цель его опуса — утвердить в массовом сознании стереотип: расстрел был обычным, совершался по приговору местных властей, без участия Ленина, Троцкого, Свердлова, а убивали «русские рабочие». Хотя автор запутался с палачами — в разных

редакциях у него перечислены разные лица.

В рамках той же кампании 4 августа 1975-го ЦК принял постановление о сносе дома Ипатьева. Брежнев находился в отпуске, председательствовал на заседании Суслов, который фактически возглавлял операцию. Непосредственное руководство поручалось министру внутренних дел Николаю Щелокову. Снос дома сперва отложили, для его обследования направили специальную комиссию. Та все обмерила, составила планы помещений, подземных сооружений, а когда завершила работу, в Свердловск снова прибыл Щелоков. Николай Анисимович участвовал в заседаниях обкома, объяснял: постановление о сносе надо принять как бы по собственной инициативе, без ссылок на Москву. Для оцепления подняли курсантов пожарного училища МВД. В сентябре 1977-го дом Ипатьева был уничтожен.

Тогда же Щелоков подтолкнул режиссера Гелия Рябова на поиски «тайного захоронения» царской семьи. Впоследствии Гелий Трофимович признавал: «Без Щелокова на-

шей затее была бы грош цена». Однако ведь и министр внутренних дел действовал не по личному произволу, а по указаниям Суслова. Логично предположить, что и поиски в окрестностях уральского города развернулись в рамках одной и той же операции.

Зачем все это понадобилось — прежде всего рушить никому не мешавший дом Ипатьева? Возможно, здание сберегало в себе тайну, которую хотели похоронить. Материалы обследований, сделанных в 1970-е, исчезли.

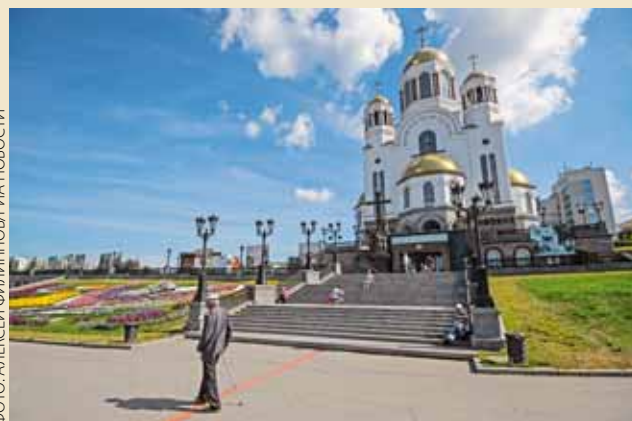

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ФИЛИПОВ/РИА НОВОСТИ

Имена и даты

Пабло Пикассо и Ольга Хохлова

Михаил Пуговкин в фильме
«Огонь, вода и... медные
трубы»

12 июля

100 лет назад был заключен брак между Пабло Пикассо и Ольгой Хохловой

РИТУАЛ гражданского бракосочетания проходил в здании мэрии 7-го округа Парижа. Перед этим пара обвенчалась по православному обряду в соборе Александра Невского на улице Дарю. Пикассо познакомился с балериной Ольгой Хохловой весной 1917-го в Риме, когда там проходили гастроли «Русского балета» Сергея Дягилева. 36-летний испанский художник трудился над декорациями и костюмами для спектакля «Парад». К творчеству спутника жизни Хохлова относилась весьма придирчиво. Она старалась направить талант мужа в русло «нормального» искусства, не поощряя его погруженности в абстракционизм-модернизм. Судя по всему, именно поэтому львиную долю фигуративных произведений Пикассо составляют живописные и графические портреты жены.

В феврале 1921 года у пары родился сын Пауло, но это не сделало их союз ни прочным, ни долговечным. Еще на его ранней стадии, когда мастер познакомил Ольгу с матерью, свекровь высказалась вполне определено: «С моим сыном, который создан только для самого себя и ни для кого другого, не будет счастлива ни одна женщина». И, увы, оказалась права.

13 июля

95 лет со дня рождения Михаила Пуговкина

ВЫХОДЕЦ из деревни Рамешки Чухломского района Костромской области, Михаил Пуговкин представлял от лица того несгибаемого сословия, которое вытаскило на своем горбу весь наш XX век. Михаил Иванович был в полном смысле Народным артистом. Даже играя проходимцев или хитрофанов, вроде Якина из «Ивана Васильевича...», он выдавал каждому из них оправдательную характеристику.

Пуговкин слыл гением как речевых, так и пластических жестов, воплощал народное здравомыслие, остроту коллективного ума, витальную силу великой нации, умудряясь показывать на бытовом материале глубину нашей исторической памяти. Достаточно вспомнить его Яшку-артиллера из «Свадьбы в Малиновке» с бессмертной самопрезентацией: «Я человек бывалый. Танцую, много песен знаю. Интересуетесь? Вашу ручку, битте-дритте!» В сто первый раз пересматривая картину, мы восхищенно смакуем игру артиста. Что уж говорить про шесть гайдаевских комедий, сказки Роу и Птушко.

18 июля

460 лет назад русские войска взяли Дерпт

ЭТОТ город, основанный в XI столетии Ярославом Мудрым и названный первоначально Юрьевом, в течение последующих веков многократно переходил из рук в руки. Им владели Киевская Русь, Новгород-

ская республика, Ливонский орден, Речь Посполитая, Швеция, Россия, СССР...

В 1558 году царь Иван IV, стремившийся устранить воздвигнутые недругами препятствия на пути к Балтийскому морю и обеспечить тем самым полноценные торгово-экономические связи Москвы с европейскими странами, двинул войска на запад. Так началась Ливонская война. В мае русские взяли Нарву, в июле подошли к Дерпту (ныне Тарту). Город-крепость охранялся двухтысячным гарнизоном под командованием епископа Германа Вейланда.

Князь Петр Шуйский организовал осаду, артиллерийский обстрел стен велся с очень близкого расстояния. 15 июля воевода предложил жителям капитулировать, пообещав не разрушать город и сохранить прежнее управление. Через три дня осажденные сдались. Шуйский слово сдержал, и привычный уклад в городе был сохранен, за порядком следил русский гарнизон.

Осенью 1559-го магистр Ливонского ордена попытался вернуть Дерпт себе, но, встретив ожесточенное сопротивление со стороны отряда князя Андрея Катырева-Ростовского, убрался от стен Юрьева воеводства.

В 1582 году русские оставили город — в соответствии с Ям-Запольским перемирием, фактически положившим конец Ливонской войне.

27 июля

165 лет со дня рождения Владимира Короленко

КОГДА-ТО молодой Алексей Пешков приносил первые литературные опыты отбывшему ссылку, уже довольно известному Владимиру Короленко, прося «советов и указаний». Потом они стали ровень — и в литературе, и в социальной иерархии. «Мне лично этот большой и красивый писатель сказал о русском народе многое, что до него никто не умел сказать. Он сказал это тихим голосом мудреца, который прекрасно знает, что всякая мудрость относительна и вечной правды — нет», — свидетельствовал позже Горький.

Почти все, что Владимир Галактионович написал, создано на основе пережитого или виденного лично. Главный его герой — стойкий, несломленный человек.

Короленко считался «неблагонадежным»: участвовал в революционном движении, за что неоднократно был наказан, обращал внимание общества на положение угнетенных, выступал против махровых реакционеров, ксенофобов и обскурантов.

Не остыла его протестная энергия и после Октября 1917 года. Он осуждал методы новой власти, ее неоправданную жестокость, в частности — в эмоциональных письмах нарком просвещения РСФСР Анатолию Луначарскому.

1 августа

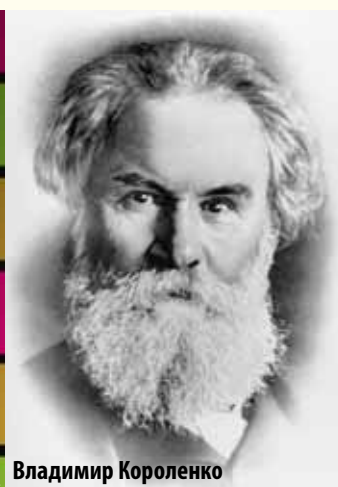
120 лет назад был впервые опубликован чеховский рассказ «Человек в футляре»

МАЛОЕ по количеству строк и великое по своему значению произведение было напечатано в 7-м номере «Русской мысли». Этот журнал увидел свет, как указывают некоторые исследователи, «ок. 20 июля 1898 года», то есть примерно 1 августа по новому стилю. Рассказ Чехова сразу же привлек внимание отечественных критиков, чьи мнения-оценки разделились.

Одни восприняли текст как литературный манифест, направленный против мрачной действительности, «житейской тины, болота, с которым приходится иметь дело на каждом шагу, которое все затягивает, все грязнит и душит в своей вонючей грязи». Эти «знатоки» российской жизни упивались гротеском в описании главного героя и, конечно же, старались всячески «развить» авторскую мысль, добавить к ней собственных «наблюдений» и обобщений. Вторые ругали сочинение за «бессодержательность», воспроизведение «лишь внешних сторон житейских явлений». Третьи особое внимание уделили жанровой полифонии и оказались, пожалуй, ближе других к истине.

П. Соколов-Скаля.
«Взятие Иваном Грозным ливонской крепости Кокенгаузен»

Владимир Короленко

«Человек в футляре».
Иллюстрация Кукрыникова

Серафим Саровский

Василий Лебедев-Кумач беседует с московскими комсомольцами. 1946

В приложении к «Биржевым ведомостям» Александр Измайлов, в частности, писал: «Начатая с улыбкой на устах комическая история досказывается серьезным голосом, в котором слышится легкое дрожание. Самый фон картины становится сумрачным и торжественно-величавым».

Антон Павлович не ставил перед собой задачи показать квинтэссенцию национального быта, и в то же время объявить рассказ «бессодержательным» было верхом несправедливости. «Содержания» там в избытке. Хотя, конечно, далеко не всякому современному читателю оно — ввиду беспощадности автора к своему герою — придется по душе.

1 августа

115 лет назад состоялись торжества канонизации Серафима Саровского

ЦЕРЕМОНИЯ прославления проходила в Сарове и Дивеево в присутствии Николая II, августейшей семьи и огромного количества паломников со всей империи. Дату этих празднеств приурочили к годовщине со дня рождения преподобного 19 июля (1 августа) и к 70-летию смерти.

В новейшие времена все чаще обращаются к приписываемым Серафиму Саровскому пророчествам. К примеру: «Будет некогда царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого царя и самодержавия, но Бог царя возвеличит... Произойдет гибель

множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе.

Но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского... Ради сих добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреборима, имущая веру и благочестие — сих врата адавы не одолеют».

8 августа

120 лет со дня рождения Василия Лебедева-Кумача

ВМАЕ 1941-го журнал «Октябрь» писал: «Лебедев-Кумач, как никто из советских поэтов, передает песенной строкой чувство молодости, присущее людям сталинской эпохи. Его бесспорной заслугой является создание жанра веселой, жизнерадостной песни. Бодростью, молодостью веет от каждой ее строки».

Вскоре Василий Иванович показал себя в ином качестве. Через два дня после начала Великой Отечественной он создал стихотворение «Священная война», опубликованное в «Красной звезде» и «Известиях». Тут же музыку на эти слова написал Александр Александров.

26 июня 1941 года на Белорусском вокзале еще не уехавшая в район боев часть Краснознаменного ансамбля песни и пляски СССР проводила бойцов на фронт новой песней. По воспоминаниям очевидцев, «Священная война» настолько потрясла слушателей, что музыканты исполнили ее пять раз подряд. Величественная композиция быстро приобрела необыкновенную популярность, поддерживая моральный и боевой дух людей в годы тяжелейших испытаний.

21 августа

105 лет со дня рождения Виктора Розова

РОЗОВ сочинял пьесы, которые шли с неизменными аншлагами: «В добрый час!», «В поисках радости», «Традиционный сбор», «День свадьбы» и другие. Он автор нескольких сценариев, самый известный из них лег в основу фильма «Летят журавли». Завоевавшая «Золотую пальмовую ветвь» картина по сей день остается единственной отечественной

лентой, получившей награду Каннского кинофестиваля.

Виктор Сергеевич был не только выдающимся драматургом, но и настоящим патриотом. Когда он, солдат-доброволец Великой Отечественной, понял, какая опасность нависла над страной в конце XX века, то решительно встал на защиту Советского Союза.

Пришли новые времена, началась борьба за справедливую власть, за независимость России, великую и самобытную русскую культуру. Розов до последних минут жизни оставался верен своим идеалам и нравственным принципам. Таким и запомнился соотечественникам.

22 августа

120 лет со дня рождения Героя Советского Союза Дмитрия Медведева

В ПЕРВЫЙ день Великой Отечественной бывший чекист Медведев подал рапорт, в котором выразил желание вернуться в строй и изложил собственные идеи по развертыванию активной разведыва-

тельно-диверсионной работы в тылу врага.

Инициативу Дмитрия Николаевича в Ставке одобрили, и уже в августе 1941-го 34 сотрудника НКВД во главе с Медведевым приступили к боевой деятельности.

Он руководил спецотрядом «Митя», нанеся немалый урон противнику, затем командовал оперативно-разведывательным отрядом «Победители». В нем воевали прославленные разведчики: будущие Герои Советского Союза Николай Кузнецов и его связной Николай Приходько, Николай Струтинский, врач Альберт Цессарский, разведчица Африка Де ла Эрас.

Бойцы наводили ужас на оккупантов, расправлялись с полициями и карателями, пускали под откос вражеские эшелоны. Партизаны собрали ценные разведданные, в том числе касавшиеся подготовки покушения на участников встречи «большой тройки» в Тегеране. В конце войны Медведев организовывал борьбу с «лесными братьями» в Литве. Кроме того, Дмитрий Николаевич — автор увлекательных повестей о борьбе советских разведчиков в тылу врага.

Виктор Розов

Дмитрий Медведев

Свой среди чужих

Пока Вера спала

Валерий Бурт

Его объемистое творение с заголовком, содержащим банальный и в то же время сакраментальный вопрос, в середине XIX столетия не просто заинтриговало читателей, но вызвало бурный, невиданный интерес. Век спустя подробности романа «Что делать?» могли более или менее внятно изложить разве только специалисты в области социальных наук, однако имя автора знакомо было каждому советскому школьнику.

24 июля со дня рождения философа, критика, писателя Николая Чернышевского исполнится 190 лет.

Государственный преступ.

«Как мусульмане чтут Коран, так чтится поклонниками «нового слова» роман Чернышевского «Что делать?», — писал в конце 1870-х редактор «Московских ведомостей» Михаил Катков. И много позже, когда прах Николая Гавриловича мирно покоился на Воскресенском кладбище в Саратове, спор полемистов — апологетов и оппонентов самого известного в истории шестидесятника — не утихал. Впрочем, известность Чернышевский приобрел задолго до написания романа.

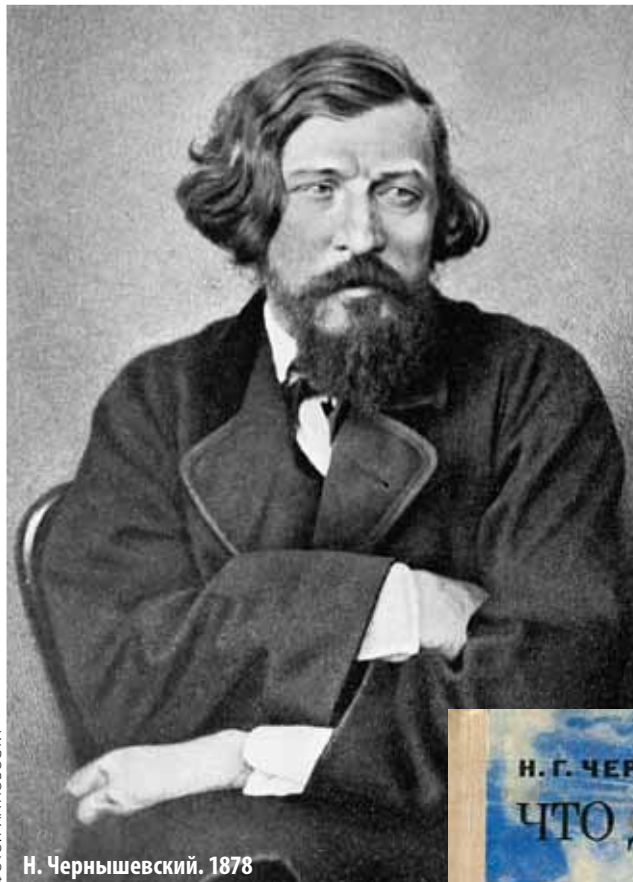

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Н. Чернышевский. 1878

В 1850-е он, физически слабый, болезненный, неудержимо рвался в бой, стремясь превратить «Современник» в трибуну революционной демократии. В этой борьбе получил немало душевных ран и кучу оскорблений от литераторов-либералов, среди них были Павел Анненков, Василий Боткин, Александр Дружинин, Иван Тургенев.

Чернышевский увязал в политике, как колеса телеги тонут в непролазной грязи извечного российского бездорожья. Но его замыслы не были совершенно наивными и беспочвенными. Даже Василий Розанов писал об этом с нескрываемым пиететом: «...С самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще натуры, у которой каждый час бы дышал, каждая минута жила, и каждый шаг обвеян «заботой об отечестве». Василий Васильевич удивлялся, что этим мощным двигателем с пользой для себя не воспользовалась инертная государственная машина. По его мысли, всеобщее практическое бессилие выбросило Чернышевского в литературу, где «он переломал все стулья, разбил столы, испачкал жилые удобные комнаты и, вообще, совершил «нигилизм».

Неутомимый в своих исканиях Чернышевский в какой-то момент достиг опасного предела: не входя в тайное общество «Земля и воля», он, однако, разделял взгляды его сторонников. Попал под надзор полиции, так как был замечен в призывах к смуте, «в

постоянном возбуждении враждебных чувств к правительству».

Летом 1862-го его арестовали и посадили в одиночную камеру Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Следствие, длившееся около полугода, сулило весьма суровый приговор. Однако судебский вердикт превзошел самые мрачные ожидания: ссылка на каторжные работы в Сибирь на 14 лет. После осужденному надлежало поселиться там навечно. Государь сократил срок вдвое, но от позора гражданской казни не избавил. По выражению Владимира Набокова, «в лице Чернышевского был осужден его — очень похожий — призрак: вымышленную вину чудно подгримировали под настоящую».

Лил дождь. Прикованный цепями к черному столбу, субтильный бедолага-разночинец стоял на помосте, сооруженном посреди Мытнинской площади. На гру-

ди висела продолговатая дощечка с надписью «Государственный преступ.» — последний слог не уместился. Он смущенно озирался и поправлял очки. Окружившая место казни толпа возмущенно гудела, грозя отеснить жандармов. Чернышевского поставили на колени, с головы скинули фуражку. Прозвучал приговор, и палач разломил над головой «государственного преступ.» шпагу. По прошествии пары минут в революционера полетели цветы. Охранники пытались перехватить их, но букеты падали к ногам приговоренного. Это был знак народной поддержки и общественного признания — о грандиозном значении романа «Что делать?» уже твердили на всех углах.

Писателя торопливо освободили от цепей, усадили в тюремную карету, лошади тронулись, а вслед побежали студенты с криками: «Прощай, Чернышевский!» Тот высовывался из окна и смеялся...

Этот эпизод стал впоследствии хрестоматийным. Для кого-то он служил убедительнейшей иллюстрацией «мира насилия», который, дескать, надо обязательно разрушить, а для кого-то — свидетельством полубезумной чехарды наших крайностей: зачем, спрашивается, подвергать столь унижительной публичной экзекуции безобидного, в сущности, человека? Чтобы уже через полтора десятка лет та же самая общественность рукоплескала оправданной судом присяжных террористке Вере Засулич?

«Что делать?» Чернышевский творил, сидя в одиночке Петропавловской крепости. Цензоры не возражали против публикации романа в «Современнике», надеясь, что сочинение будет ждать не слава, а злословие.

Опус, не богатый художественными достоинствами, должен был (опять же по мнению цензоров) мгновенно утонуть в пучине литературного моря.

Крамола там все же углядели. Но — уже после опубликования. Цензор Владимир Бекетов редактору Николаю Некрасову в июне 1863-го с прискорбием сообщал: «Я мертв для Вашего «Современника» и для службы. Мне велено подать в отставку».

Номера, в которых печатался роман, оказались под запретом, но мятежную птицу, вылетевшую из гнезда, изловить уже было невозможно. «Что делать?» тиражировали всеми возможными способами и рассылали повсюду. К слову, разрешили книгу в России лишь спустя сорок с лишним лет — в 1905-м.

Сегодня, с «высоты» XXI века, многие посматривают на Николая Чернышевского и его творчество снисходительно. Мол, средней руки мыслитель-чудак, оставивший после себя какие-то странные, мало кому интересные фантазии. Как же он оказался в первых рядах властителей дум?

Тургенев против Герцена

Чтобы ответить себе на этот вопрос, надо отбросить ложное чувство собственного превосходства и обратиться к признанным авторитетам, русским классикам.

Злые отзывы, столь ожидаемые цензорами, и впрямь имели место. К примеру, Тургенев, обращаясь к Дмитрию Григоровичу, буквально неистовствовал: «Я имел неоднократно несчастье заступаться перед Вами за пахнущего клопами (иначе я его теперь не называю) — примите мое раскаяние — и клятву — отныне преследовать, презирать и уничтожать его всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами!.. Я прочел его отвратительную книгу, эту поганую мертвечину, которую «Современник» не устыдился разбирать серьезно...

В. Кузьмичев. «Н.А. Некрасов, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский в редакции «Современника»

Ю. Казмичев. «Гражданская казнь Николая Гавриловича Чернышевского»

Raca! Raca! Raca! Вы знаете, что ужаснее этого еврейского проклятия нет ничего на свете».

Однако другие критики оказались куда более благосклонны. Александр Герцен хоть и отмечал, что созданное Чернышевским «гносно написано», но при этом оговаривался: «С другой стороны, много хорошего, здорового».

По мнению Николая Лескова, «роман странно написан... в нем совершенно пренебрежено то, что называется художественностью. От этого в романе очень часто попадают места, поражающие своей неестественностью и натянутостью; странный, нигде не употребленный тон разговоров дерет непривычное

ухо, и роман тяжело читается». Но в то же время автор «говорит просто и ясно, что и в этом monde умные люди могут стать твердо и найти себе, что делать... «Новые люди» г. Чернышевского, которых, по моему мнению, лучше бы назвать «хорошие люди», не несут ни огня, ни меча. Они несут собою образчик внутренней независимости и настоящей гармонии взаимных отношений. Они могут провалиться? Да, очень могут, но другие обойдут провал, пойдут, узнают, чего должно избегать и чего бояться».

Видный ученый, теоретик анархизма Петр Кропоткин также находил книгу слабой в художественном смысле, но полагал, что «ни одна из

повестей Тургенева, никакое произведение Толстого или какого-нибудь другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эти повести Чернышевского».

Николай Гаврилович трезво оценивал свои писательские возможности: «У меня нет ни тени художественного таланта... Я пишу романы, как тот мастеровой бьет камни на шоссе». Однако в предисловии к главному сочинению своей жизни подбадривал тех, кто взял в руки том: «Читай, добрейшая публика! Прочтешь не без пользы».

И это были не пустые слова. Как и предполагал Чернышевский, — в подзаголовке он назвал «Что делать?» «учебником жизни», — его текст стал чрезвычайно популярным, по сути, практическим пособием. По свидетельству Александра Скабичевского, «всюду начали заводить производительные и потребительные ассоциации, мастерские, швейные, сапожные, переплетные, прачечные, коммуны для общежитий, семейные квартиры с нейтральными комнатами».

Приняли в «Дар»

Крайне противоречивый портрет Чернышевского создал в романе «Дар» Владимир Набоков. Там сказано и про болезненную чувствительность Николая Гавриловича, и про его мечтания, сердечные волнения. А также — о мучениях, свалившихся на голову бедного человека: о штопке панталон, замазывании чернилами трещин на сапогах, поскольку не хватало денег на ваксу. И вообще, по мнению одного из ярчайших русских стилистов, герой был не только нищ, но и неуклюж-нерасторопен — не умел танцевать, не способен был играть в шахматы, и даже его кожаный диван стоял весь «в кочках, в дырках, с неистощимым (только тащи) запасом конского волоса».

И все же подробные описания, тончайшие нюансы, предложенные на суд публики язвительным литератором, говорят нам, скорее, о том, что прототип героя «Дара» был невероятно интересен Набокову. Отсюда и пестрый калейдоскоп характеристик: «Вообще же был смирный, открытый обидам, — но втайне чувствовал

себя способным на поступки «самые отчаянные, самые безумные». Помаленьку занимался и пропагандой, беседуя то с мужиками, то с неским перевозчиком, то с бойким кондитером»; «вкусы его были вполне добротны»; «способность работать была у него чудовищная, как, впрочем, у большинства русских критиков прошлого века»; «вместо ожидаемых насмешек вокруг «Что делать?» сразу создавалась атмосфера всеобщего благочестивого поклонения. Его читали, как читают богослужебные книги... Гениальный русский читатель понял то доброе, что тщетно хотел выразить бездарный беллетрист».

За 50 серебряных

Роман «Что делать?» мог и не состояться. Некрасов вез из Петропавловской крепости рукопись — толстенную стопку листов, перевязанных веревкой, — и ненароком уронил ее в снег. Она была найдена возле Мариинской больницы мелким чиновником, обремененным тяжкими заботами о многодетном семействе. Тот забрал рукопись домой, уверенный, что кто-то непременно хватится. И не ошибся: вскоре в «Ведомостях Санкт-Петербургской городской полиции» ему встретилось объявление о пропаже. Служащий отнес сверток по нужному адресу и получил в награду 50 рублей серебром — сумму по тем временам очень значительную.

На каторге Николай Гаврилович сочинил новый роман — под названием «Пролог». Но никакого успеха он не имел. Чернышевский и потом много писал, но почти все сжигал. Сохранилась малость — несколько действительно незначительных повестей, новелл, стихотворений.

В советское время роман «Что делать?» входил в учебные программы школ и гуманитарных вузов. Тем, кому следовало прочесть книгу, приходилось мучительно долго петлять в запутанных дебрях сюжета, наткнуться то на Рахметова, то на Лопухина, то на Кирсанова, встречаться вдруг с Верой Павловной и зевать от рассказов о ее сношениях, тщетно пытаться уразуметь нечто принципиально важное из потока слов, изреченных «новыми людьми».

Согласно требованиям того же учебного курса необходимо было помнить, что, по мнению Ленина, Николай Гаврилович являлся «революционным демократом», «гениальным провидцем», «нашим русским великим утопистом», «великим русским писателем» и тому подобное.

«Что делать?», как все мы знаем, — это не столько роман, сколько перманентный крик души, главный вопрос, парящий над бескрайними просторами России вот уже несколько эпох. Им неизменно задаются политики, писатели, артисты, художники и простые обыватели. Услышим ли когда-нибудь правильный, устраивающий всех ответ? А это — тоже вопрос из разряда риторических.

ФОТО: АНАТОЛИЙ ЛЫКОВ/РИА НОВОСТИ

Русский гений

«Д.И. Менделеев с преподавателями и учениками штейгерской школы в Лисичанске». 1888

Так завещал Менделеев

О великом химике, открывшем Периодическую таблицу элементов, знают все, кто учился когда-либо в школе. Значительно менее известен Дмитрий Менделеев как превосходный научный организатор, основатель сначала Русского химического (1868), а затем физико-химического обществ (1878) — обе организации в этом году отмечают юбилеи; первый руководитель Главной палаты мер и весов (1893). Еще реже вспоминают его как социального мыслителя — об этой ипостаси гениального соотечественника рассказывает доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Юлия Кудрина.

ОДНУ из самых емких характеристик дал Менделееву его зять Александр Блок в письме жене Любови Дмитриевне: «...Он давно все знает, что бывает на свете. Во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности... У него нет никаких «убеждений» (консерватизм, либерализм и т. п.). У него есть все». Замечательный русский поэт в целом, конечно же, прав, хотя его фразу об отсутствии «убеждений» не следует воспринимать буквально, вполне конкретные политиче-

ские взгляды Дмитрия Ивановича никакой загадки для его современников не представляли. Именно консерватизм (как сказали бы в наши дни — «просвещенный консерватизм») составлял прочную основу мировоззрения выдающегося химика. Вот как сам он писал об этом в своем главном публицистическом труде «Заветные мысли»: «Я понимаю совершенную необходимость в гражданской жизни как мер решительно-резких, так и осторожно-постепенных, или иначе, как революционных, так и эволюционных действий как со стороны власти, так и со стороны общей массы, эволюционным влиянием придаю гораздо большее значение, чем революционным...

Что же касается до эволюционных действий, то для выяснения их смысла достаточно сказать, что в 60-х годах, когда само слово «эволюция» еще не было в ходу, в частном разговоре (то было в Париже в Café de la Regence) со знаменитым уже тогда И.С. Тургеневым я развивал мысль о наибольшем значении ясно сознанных и разумных, но не резких и быстрых, не крупных по виду, но влиятельных мер и преобразований; а мой знаменитый собеседник сказал: «Так вы, значит, постепеновец, и я тоже стал им, хотя был прежде иным». Мне очень памятно это слово «постепеновец», и я думаю, что оно лучше, чем эволюционист, выражает сущность того мышления, которого вместе со многими другими я придерживаюсь, потому именно, что в самом понятии о постепенности видны разумность, воля и неспешливое достижение цели, тогда как эволюция говорит только об изменении и последовательности. Был и остаюсь «постепеновцем».

Рассуждая о возможности и допустимости «революционных действий», Менделеев, разумеется, не имел в виду какие-то антигосударственные проявления, борьбу за свержение политического строя, искоренение национальных тради-

**Основатели Русского химического общества (Д. Менделеев стоит второй справа).
4 января 1868 года**

ций. Верховная власть тоже принимает порой революционные шаги, рушит морально устаревшие социальные конструкции, подвергает коренным преобразованиям ветхие общественные институты. И платит за такое переустройство иногда слишком высокую цену, как это произошло, например, с императором Александром II. Размышляя о грандиозных реформах, осуществлявшихся у нас в XIX веке, Дмитрий Иванович указывал на деструктивное вмешательство Запада в российские дела: «Главное же... состоит в том, что я получил подлинные убеждения в возникновении беспорядков... под влиянием совершенно посторонними... совершенно чуждыми России и пришедшими из-за границы, где в то время еще больше, чем теперь... было организованных сил, стремившихся, во-первых, приостановить явный прогресс, начавшийся в нашей стране, и, во-вторых, желающих сосредоточить все внимание России на внутренних беспорядках, чтобы отвлечь ее этим путем от вмешательства во внешние европейские события,

среди которых тогда больше всего имели значение политические объединения Италии и особенно Германии, усиление мирового могущества Англии и возбуждение социалистических и коммунистических начал во всей Западной Европе... Чтобы действовать свободнее, увереннее и надежнее, надо было (Западу. — «Свой») во что бы то ни стало устранить какое бы то ни было вмешательство России; война с нею могла стоить сотни миллионов, возбуждение в ней внутренних беспорядков могло стоить очень дешево, да еще под знаменем либерализма, который сам проявлен Россией. Вот и реши-

РУССКИЙ ГЕНИЙ

ли разумные и расчетливые люди, стремящиеся к определенным целям, вызывать в России всеми способами внутренние неурядицы, покушения на императора-освободителя и всякого рода препятствия на пути русского прогресса».

Как видим, ученый отнюдь не призывал к внешнеполитическому изоляционизму, отмечал позитивную роль нашего государства в урегулировании общеевропейских проблем и в то же время предупреждал: социальные революции несут

«МОСКВА В БУДУЩЕМ». РЕКЛАМНЫЕ ОТКРЫТКИ. 1914

с собой кровь, хаос и деградацию, а не чаемое либералами и прочими прогрессистами развитие. И не раз подчеркивал: Россия должна идти своим путем, раз и навсегда отказаться от «идолопоклонства занятым идеям». В программной статье, опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1907 году, уже после смерти автора, слова Дмитрия Ивановича звучат словно манифест: «Все мнящие о себе как о спасителях нашей Родины, желающие перекроить ее на западный лад, очень ошибаются, насильно надевая на нашего мужика западный кафтан, наши политические и экономические верхогляды не могут никак понять, что он на него не лезет или что наш мужик в нем беспомощно болтается».

Кстати, о «мужике», а вместе с тем о евразийском пути развития государства. «Наш русский народ, —

утверждал Менделеев, — занимая географическую середину старого материка, представляет лучший пример народа реального, народа с реальными представлениями. Это проявляется в отношениях нашего

народа ко всем другим, в его уживчивости с ними, в его способности поглощать их в себе, а более всего в том, что вся наша история представляет пример сочетания понятий азиатских с европейскими... Русский человек, заняв холодные, однообразные лесные и степные равнины, поневоле должен быть прежде всего реалистом, — ведь иначе не проживешь в этих палестинах... Русский народ... принадлежит к числу мирнейших... Вся наша история это показывает; три четверти наших войн были защитными от половцев, татар, от тевтонских рыцарей, поляков и шведов да турок, от набегов черкесских, киргизских и хивинских да от посягательств западных европейцев, и если мы после этих войн часто расширялись, то лишь для того, чтобы сберечь себя от дальнейших

Великая Сибирская железная дорога

покушений на наши земли... Лишь маленькая часть русских войн, вроде Суворовской в Италии и венгерской, приходится на долю преследования целей внешней политики, а затем остальная часть русских войн велась за освобождение славянских наших братьев».

Взгляды Менделеева на морально-нравственные качества соплеменников практически не отличаются от мыслей на сей счет, выраженных Достоевским и славянофилами. Незначительная разница заметна лишь в подходах. К примеру, размышлявший о всемирности, всечеловечности русских гениальный писатель первостепенное внимание уделял духовно-религиозному аспекту. А гениальный ученый-естествоиспытатель наблюдал за народом со своей научной, профессорско-преподавательской колокольни. И вот что увидел: «В чем другом, только не в самообожании можно упрекнуть русских людей, умеющих уживаться и даже сливаться со всякими другими. Это нас сильно отличает не только от китайцев, достоинствам которых должно отдать многое, но и от англичан, гордящихся — не без правильных оснований — своим первенством во всем передовом мировом значении...

Законную степень народной гордости, составляющую принадлежность любви к отечеству, должно глубоко отличать от кичливого самообожания: одно есть добродетель, а другое — порок... С турком и ламаистом, как и с немцем и англичанином, мы готовы дружить и делиться и отыскивать у них особые достоинства, если только они того захотят, и готовы протянуть к ним руку так же охотно, как протянули французы, долго с нами враждовавшие.

Такова уж наша покладистая природа, не терпящая похвалы самообожания и рвущаяся обнять весь мир».

Годы чрезвычайно активной деятельности Менделеева пришлись

на периоды правления трех российских монархов. О том, кому из них Дмитрий Иванович отдавал предпочтение, свидетельствуют подготовленные им речи и статьи. В октябре 1894-го в газете «Новое время» он в связи со смертью императора Александра III писал: «Мир во всем мире создан покойным Императором, как высшее общее благо, и действительно укреплен Его доброю волею в среде народов, участвующих в прогрессе. Всеобщее признание этого ляжет неувядаемым венком на Его могилу и, смеем думать, даст благие плоды повсюду. Найти способы к осуществлению этого христианского завета составило высший и великий Его труд, ответило истинному стремлению коренного русского народа и показало русскую силу с новой благотворнейшей стороны».

Схожие слова прозвучали и в «Заветных мыслях»: «Люди, прожившие царствование Императора Александра III, ясно сознавали, что тогда наступила известная степень сдержанной сосредоточенности и собирания сил. Миротворец Александр III, провидевший суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников, решил, что надо всеми способами покровительствовать развитию всех видов промышленности в своей стране, и как можно скорее, с двух сторон, повелел строить Великую Сибирскую железную дорогу, чтобы связать Россию с теми берегами Тихого океана».

В публицистических работах Менделеев касался множества современных ему проблем, а равно задач, стоявших перед всем российским обществом. Речь шла и о демографии, и о национальной оброне, и о необходимости народного единства, и многом другом, поразительно актуальном по сей день. Его высказывания воспринимаются ныне действительно как «заветные мысли», ибо в них — бесценные заветы многим поколениям: «Любовь к отечеству, или патриотизм...

некоторые из современных учений крайних индивидуалистов уже стараются представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви ко всему человечеству с участием в делах узкого кружка лиц, образующих общину (коммуну), город или вообще физически обособленную группу. Такое, очевидно, недомысленное учение приписывает патриотизму многие худые явления общественной и похвалится тем, что к этому клонится уже всеобщее сознание, а в будущем перейдет будто бы все человечество... ни в каком будущем нельзя представить слияние материков и стран, уничтожение различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главнейшую причину соревнования и прогресса, не упоминая уже о том, что внутреннее чувство ясно говорит, что любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий общежитного состояния людей от их первоначального дикого или полуживотного состояния».

«Для всех стран важно увеличение народонаселения, а для России его значение, по моему мнению, стоит даже на первейшем месте... Количество людей должно... быть пропорционально количеству земли» (из книги «К познанию России»).

«Мы никого не тесним и требуем, чтобы и Россию никто не теснил... Разрозненных нас — сразу уничтожат, наша сила в единстве, воинстве, благодушной семейственности, умножающей прирост народа, да и в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия», — эти слова председатель Русского физико-химического общества Дмитрий Менделеев произнес в ноябре 1894 года. Под такими заявлениями и тезисами сегодня подписался бы в нашей стране любой ответственный политик и просто гражданин, для которого Россия — Родина, а не территория временного пребывания.

Философ о философе

Найти свое высокое Я

Олег Ермишин, доктор философских наук

Выдающихся представителей русской философской мысли XX века условно можно разделить на две основные категории. В первую войдут те, кто посвятил жизнь строго научным исследованиям, разработке логически выверенных систем, сложных, терминологически насыщенных концепций. Другие проявили особый интерес к литературно-художественному творчеству, искусству, удивляли эстетизмом, изящной стилистикой, не забывая, впрочем, и об основных задачах, стоящих перед философией. Бориса Вышеславцева, пожалуй, следует отнести ко второму, «артистическому» направлению.

Тайна детства

Вышеславцев родился осенью 1877 года в Первопрестольной. Много десятилетий спустя, уже пребывая на чужбине, он с любовью и грустью опишет в воспоминаниях «Тайна детства» патриархальный уклад старой Москвы, приоткроет для читателя собственный внутренний мир, метафорически поведаст о своих творческих идеалах. Основную роль в духовном становлении личности играет воображение — эту простую и в то же время крайне важную для него мысль Борис Петрович старательно подчеркнет, упомянув для примера замечательного художника Константина Коровина, с которым дружил долгие годы. Импрессионизм как художественный стиль был для них общим, подходил для выражения личных чувств и переживаний.

«Тайна детства» явно перекликается с ностальгической прозой Ивана Шмелева, что особенно заметно в конце мемуарного, лирико-философского очерка: «Но свечи догорают,

Б. Вышеславцев

взрослые переходят в столовую. Если вы хотите увидеть и пережить русскую елку, воскресить милое «Рождество» далекого детства — то знайте, что его музыка жива. Чайковский сохранил ее в своем «Щелкунчике» навеки. Лишь взмахнет его волшебная палочка, как восстанут в душе «Святки», зажгутся свечи, запахнет хвоей елки, засияют, засверкают, запляшут и зазвонят картонажи детской фантазии. Китайские богдыханы с колокольчиками, восточные чалмы из 1001 ночи, лихие русские плясуны и сам Щелкунчик... А вот и сам Чайковский садится за рояль и играет, как

он любил это делать, последний вальс для танцующей молодежи — для этих русских «барышень» и юношей, душа которых, влюбленная, тоскующая и очарованная, ему понятна. Простой как будто вальс, но что в нем скрыто, это никогда не поймет Вена или Париж...»

Кстати, в рассказе под названием «В Париже», опубликованном в журнале русской эмиграции «Современные записки», литературный талант Вышеславцева проявится не менее ярко.

Его университеты

Образное мышление, чувство слова он развил в себе не без помощи классического образования, полученного в гимназии, а также учебы на юридическом факультете Московского университета (окончил в 1899-м). Перед ним открывалась блестящая карьера адвоката, чрезвычайно почитаемая в русском обществе тех лет стезя. Но после непродолжительных трудов на юридическом поприще Вышеславцев увлекся совсем другим делом. Как вспоминал впоследствии давний друг Николай Алексеев: «Адвокатура его не удовлетворила, и он променял ее на менее прибыльную профессию русского ученого».

Товарищ по альма-матер Василий Савальский ввел его в круг людей, группировавшихся вокруг профессора Павла Новгородцева. Этот ученый, признанный глава московской школы философии права, способности новичка оценил по достоинству, оставил его при университете — для подготовки к будущему занятию кафедры. После сдачи магистерских экзаменов Вышеславцев отправился в двухгодичную командировку за рубеж — готовить диссертационную монографию. В своем дневнике он предельно емко охарактеризовал тот период жизни: «Берлин, Марбург, Италия, Рим, Париж, Гейдельберг — везде новые впечатления, новые встречи, новые мысли и идеи».

По возвращении в Россию защитил в 1914-м магистерскую диссертацию «Этика Фихте», где дал идеям немецкого мыслителя оригинальную интерпретацию. Приобрел известность в научных кругах как талантливый лектор, преподавал историю политических учений в Московском университете, историю философии в Московском коммерческом институте и Народном университете Шанявского. Современник Вышеславцева Федор Степун его стиль и профессиональную манеру описывал так: «Юрист и философ по образованию, артист-эпикурец по утонченному чувству жизни и один из тех широких европейцев, что рождались и вырастали только в России, Борис Петрович развивал свою философскую мысль с тем радостным ощущением ее самодовлеющей жизни, с тем смакованием логических деталей, которые свойственны скорее латинскому, чем русскому уму. Говоря, он держал свою мысль, словно некий диалектический цветок, в высоко поднятой руке и, сбрасывая лепесток за лепестком, тезис за тезисом, то и дело в восторге восклицал: «поймите... оцените...».

«Если можете — спасите»

Избранный в 1917-м экстраординарным профессором Московского университета, годы революции и Гражданской Борис Вышеславцев провел в Белокаменной. Как человек, хорошо понимающий ценность духовной культуры, принять идеологию и политику новой власти он не мог. В письме к Александру Яценко признавался: «Зарабатывать здесь можно много и тогда жить материально великолепно, но — безвкусно, среди чужой нации, в духовной пустоте, в мерзости нравственного запустения. Если можете, спасите меня отсюда». «Спасать» не пришлось — о его выдворении за пределы России осенью 1922-го позаботилось советское правительство, выделив-

ФИЛОСОФ О ФИЛОСОФЕ

выяснить, что вкладывал автор в понятие «вечное». Борис Вышеславцев полагал: у западной и русской философии одни и те же проблемы, обусловленные в основном взаимоотношениями Абсолюта и личности, Бога и человека. Национальные типы философствования сами по себе, конечно, существуют, однако они едины в плане самопознания, пусть и принимающего разные формы. Нет непреодолимых противоречий между русскими и западными идеями, ибо творчество не имеет национальных границ. Русская мысль — часть мировой философии, хотя и предполагает собственные пути познания (интуицию, чувственные переживания).

Что же касается принципиальных отличительных черт, то главную из них Вышеславцев определяет так (в книге «Русская стихия у Достоевского»): «Это — беспредельность, жажда души слиться с беспредельным».

Душа России, утверждает философ, совершенно не оформлена, не имеет пределов. Основной трагизм заключается в стихийности русской натуры, устремленной, несмотря ни на что, к поиску высшего смысла, подлинной сущности духовной жизни.

Борис Петрович призывает в свидетели князя Мышкина: «И не нас одних, а всю Европу дивит... русская страстность наша; у нас коль в католичество перейдет, то уж непременно иезуитом станет, да еще из самых подземных; коль атеистом станет, то непременно начнет требовать искоренения веры в Бога насильем, то есть, стало быть, и мечом! Отчего это, отчего разом такое иступление?»

Вторая герою романа, Вышеславцев пытается ответить на поставленный вопрос в схожем образно-эмоциональном ключе: «Здесь удивительное раскрытие русского национального характера, загадочного и странного; и оно дается через проникновение в сущность русской душевной стихии, обладающей поразительной степенью напряжения. И это та же самая стихия, глухо кипящая под порогом сознания, те же подпочвенные вулканические силы, которые в одних индивидуальностях взлетают гордым пламенем к небу, в других текут неудержимым потоком горячей лавы, ползущей по земле, в третьих — твердеют серой корою, делающей душу как бы телесною...»

Бури страстей бушуют внутри человека потому, что он теряет свою самость, и нечто глубинное, подспудное завладевает его сознанием. Выход из стихийного хаоса Вышеславцев видит «в том, чтобы найти свое Я, высокое, божественное по происхождению, прекрасное в своей скрытой сущности». Сформировавшись как мыслитель под влиянием Новгородцева, пройдя выучку через постижение основ западной (преимущественно немецкой) философии, он придерживался во многом европоцентризма, считал, что прививка западных норм и ценностей может спасти Россию от хаоса. Только в отличие от западников, мечтавших о заимствовании политических образцов, Борис Петрович рас-

шее ему место на «философском пароходе» — вместе с большой группой неугодных профессоров.

Следующий этап в его жизни и научной деятельности начался в Берлине. Он издал книгу «Русская стихия у Достоевского» (Берлин, 1923), включился в работу Религиозно-философской академии, основанной Николаем Бердяевым. С этого времени проявлял большой интерес к теологии и в результате сблизился с христианской организацией ИМКА, посещал ее съезды и конференции. В 1924-м вышел сборник «Проблемы русского религиозного сознания», где перу Вышеславцева принадлежит статья «Религия и безрелигиозность». В ней отразилось убеждение, получившее развитие в последующих работах эмигрантского периода: «Человеческая душа не материалистка по природе и не исчерпывается плоской психологией английских экономистов. Человек гораздо сложнее и глубже».

В 1924 году он переехал в Париж и занял должность редактора в издательстве «ИМКА-пресс». Кроме того, преподавал в Свято-Сергиевском православном богословском институте, редактировал вместе с Бердяевым журнал «Путь», в котором были напечатаны многие тексты Вышеславцева, касающиеся вопросов философии и религии.

Одна из прежде интересовавших тем получила продолжение в научном труде «Этика преображенного эроса» (1931). После Второй мировой Вышеславцев переехал в Швейцарию, работал в секретариате Экуменической лиги. Там же он скончался и был похоронен.

Индивидуализм по-русски

Итоговой можно считать его книгу «Вечное в русской философии» (Нью-Йорк, 1955). Тут читателю важно

суждал о преображении русского общества на основе персонализма (проще говоря, поиска «своего Я»), творчески осмысленного, проистекающего не извне, не из деклараций гражданских прав и свобод, но из личной устремленности к идеалам, из стремления соответствовать своему высшему предназначению.

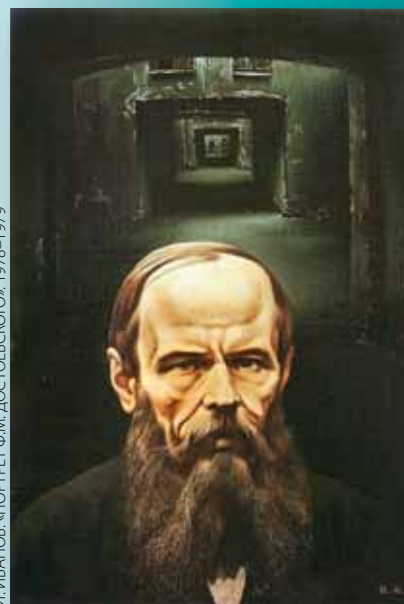
В произведениях Достоевского Вышеславцев отмечал прежде всего мучительные искания героев на трудном пути самопознания. Особое место эта идея занимает в книге «Вечное в русской философии». Развивая данную тему, автор процитировал знаменитую «Пушкинскую речь» Федора Михайловича: «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, — и узришь правду». Самопознание организует личность, которая, в свою очередь, является «высшим единством познающего, оценивающего и действующего субъекта». Согласно другой метафоре-анalogии, личность — возница Платона, управляющий двумя конями. Обретение самости есть не что иное, как приручение этой «конной» пары — сознания и бессознательного.

Вышеславцев выделял идею свободы, строил ее метафизику, исповедовал идеал философии вечной, отвергающей всякие — временные, политические, догматические — границы. Пушкин и Достоевский у него встречаются с Паскалем и Декартом, а философия становится мудростью лишь тогда, когда она устремлена ввысь, соединяется с религией.

Интуиция вместо бессознательного

Борис Петрович весь окружающий мир воспринимал творчески, разглядывал его с живейшим интересом художника и, как правило, чужался отвлеченных теоретических схем. Его в пору назвать не только «Рахманиновым русской философии» (выражение современного исследователя Альберта Соболева),

но и выдающимся философом-импрессионистом. Он увлекался новыми идеями постольку, поскольку искал в них ответ-отзвук «вечных проблем». Многих удивляло то, как Вышеславцев переосмыслил психоанализ — в бессознательном опознана «обыкновенная», известная еще со времен античности интуиция. Несмотря на тесное сотрудни-

И. ИВАНОВ. «ПОРТРЕТ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО», 1978–1979

чество с Бердяевым, в 1927-м Борис Вышеславцев активно участвовал в заседаниях евразийского семинара, пытался и там найти свое место, излагал личную точку зрения на марксизм, спорил с Львом Карсавиным. А ушел от евразийцев потому, что его возмутил их будто бы чрезмерный, посягающий на свободу личного мнения коллективизм.

Вышеславцеву были совершенно чужды отвлеченные теоретические схемы. Жизнь и философия представлялись ему нераздельными. Самобытность каждого человека, его неотъемлемое право на творческое самовыражение — ведущие темы в трудах этого мыслителя.

Годы тяжелейших испытаний практически не отразились на его цельной, чрезвычайно разносторонней личности, не поколебали веру в силу искусства и высший смысл бытия.

В. БОРОВИКОВСКИЙ, «ПОРТРЕТ ПОЭТА Г.Р. ДЕРЖАВИНА», 1811

Жил, сколь мог, для общего добра

Сергей Алдонин

С известного портрета кисти Владимира Боровиковского на нас смотрит мудрый вельможа без страха и упрека, в красном мундире, при орденах. Он стар. Но в глазах — блески иронии, а запас энергии больше, чем накопившаяся усталость. Гаврила Державин, первый российский министр юстиции, совмещавший эту должность с обязанностями генерал-прокурора сената, в прошлом кабинет-секретарь Екатерины Великой, успевал и финансовым ведомством управлять, и с музами плодотворно сотрудничать.

Един есть Бог, един Державин!

Министр некогда придумал для себя эпитафию: «Здесь лежит Державин, который поддерживал правосудие, но, подавленный неправдою, пал, защищая законы».

С юности он слагал стихи, в которых откровенно рассказывал как о своих пристрастиях, так и о принципах. Читал при этом старинный закон: любая биография начинается с родословной. Взывал к духу пращуров:

*О, праотцев моих и родших прах священный!
Я не принес на гроб вам золота и серебра
И не размножил ваш собою род почтенный;
Винюсь: я жил, сколь мог, для общего добра.*

Один из его легендарных предков, исправно служивших великим князьям Московским, Алексей Нарбеков носил торжественное прозвище Держава. Отсюда — громкая фамилия, которой поэт не только гордился («Един есть Бог, един Державин!»), но и полностью соответствовал.

Гавриил явился на свет хилым, недоношенным. По обычаям того времени младенца обложили теплым хлебным мякишем, «запекли». И тем самым спасли. Первые членораздельные звуки он издал, когда ему было полгода. В январе 1744-го малыш увидел в небе над Казанью комету и, к удивлению домашних, четко произнес: «Бог!» Это слово навсегда останется главным для него, и именно так названа его главная ода, настоящая жемчужина мировой духовной лирики:

*О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движенъи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.*

Пожалуй, никто из наших стихотворцев не брал столь высокой ноты. И тем не менее путь до министерских регалий, как и до великих поэтических озарений, вовсе не был триумфальным. На склоне лет Державин

признавал, что силы ему придавали три явления: «природа, нужда и враги».

Честные благородные родители, хотя и являлись потомками могущественного мурзы Багрима, не смогли передать сыну завидного наследства. Он получил хорошее образование, стал одним из первых учеников Казанской гимназии, потом поступил в лейб-гвардии Преображенский полк.

Однако служба в гвардии оказалась не по карману: до монарших персон — рукой подать, все придворные интриги — как на ладони, а денег нет ни на экипаж, ни на приличный обед. От аристократической бедности — один шаг до отчаяния, но Державин верил в свою звезду.

Гвардейским подпоручиком поступил под начало генерала Александра Бибикова во время Пугачевского восстания. Крестьянская война охватила родные места — Поволжье, окрестности Казани... Там Державин не раз оказывался на волосок от гибели, пули пугачевцев нередко свистели над головой. Сражался, скитался по мятежным деревушкам и заимкам, потом от истощения долго болел. Но именно там написал оды, в которых просматриваются мотивы его будущих классических стихотворений. А еще, гоняясь

Музей-усадьба Г. Державина
в Санкт-Петербурге

ФОТО: С. МАЙОРОВ/
ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

ФОТО: СЕРГЕЙ ВЛКОВИЧ/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

за «маркизом Пугачевым», он познакомился с Суворовым, и великий полководец стал для него образцом мужества и благородного аскетизма: «Кто перед ратью будет, пылая, ездить на кляче, есть сухари?»

Державин долго ждал милостей фортуны, усердно служил и в Преображенском полку, и при генерал-прокуроре Александре Вяземском. Но к сорока без малого годам не снискал ни царских наград, ни поэтической славы, ни земных сокровищ. Даже его заслуги в борьбе с Пугачевым власть оценила скуповато.

Поправить финансовое положение поэт попытался за ломберным столом. В молодые годы играл азартно, с изрядным риском. Однажды попал в компанию плутов и едва не стал профессиональным шулером. После этого от баккары и макао зарекся, но преферансу и висту посвящал свободное время. Оставался, как правило,

в выигрыше. И все же самым большим призом стала для него публикация оды «Фелица» в журнале «Собеседник любителей русского слова», который издавала Екатерина Дашкова, великая просветительница и подруга не менее великой императрицы.

Статус автора «Фелицы» за один день превратил безвестного столоначальника во властителя дум, осыпанного заслуженными милостями монархини.

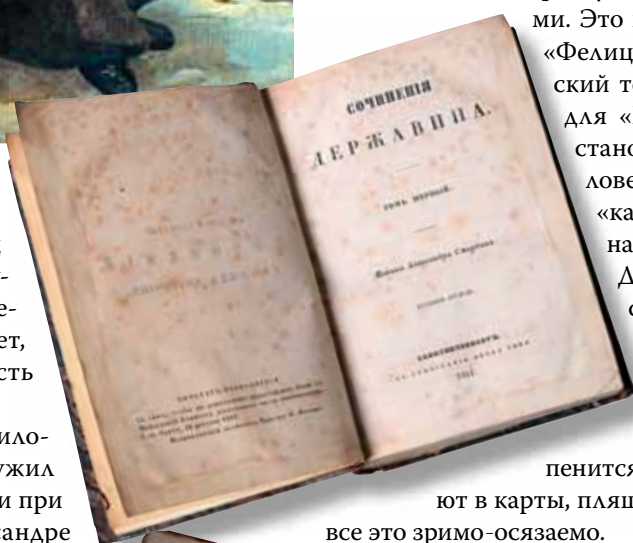
Как летом вкусный лимонад

Он учился у предшественников и современников постарше, поэтов, служивших Просвещению и классицизму. Но их торжественные оды были слишком отточенными, чересчур симметричными и рациональными. До Державина пииты не смешивали торжественный штиль с приземленным, низким и — когда речь шла о государственных или философских материях — прибегали к высокопарному слогу. Гаврила Романович со стереотипами не считался. Он раскрепостил русскую поэтическую речь, снабдив ее новыми эмоциями. Даже императрицу воспевал без академизма, с прибаутками и шутивными намеками.

Это и подкупило государыню в «Фелице». Разговорный иронический тон Пушкин позаимствовал для «Евгения Онегина». Поэзия становилась полнокровной, человеческой, необходимой всем, «как летом вкусный лимонад». Цитата, разумеется, из Державина, чье творчество сродни фламандской живописи — то же буйство красок, любование бытовыми подробностями, схожее жизнелюбие: пиво

пенится в кружке, приятели играют в карты, пляшут румяные крестьянки. И все это зримо-осязуемо.

Екатерина нуждалась в непринужденном и остроумном собеседнике, у которого к тому же имелись такие доблести, как честный патриотический настрой и мужское обаяние. Россия крепла, главный слоган империи звучал до предела мощно — «Победа!», и Державин создал непревзойденный гимн екатерининской эпохи, в котором искренне, с восторгом призывал: «Веселися, храбрый Росс!»

Наконец, именно он подарил нам слово «Родина». В стихотворении «Арфа» промелькнуло:

*Как весело внимать, когда с тобой она
Поэт про Родину, Отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!*

Слово вошло в русскую речь как влиятельное. Мало кто сравнится с Державиным по точности крылатых выражений. Зачастую мы повторяем их, не вспоминая про автора: «Учиться никогда не поздно», «Где стол был яств, там гроб стоит», «Умеренность есть лучший пир», «Отечества и дым нам сладок и приятен» (да-да, герой Грибоедова цитирует Державина).

Вьючить бремя должностей

Под знаменем «богоподобной царевны» он стал первым поэтом, приблизился к престолу. Его честность не вызвала сомнений. Императрица поручала ему деликатные расследования, связанные с коррупцией и клеветой. Не гнушался обязанностей придворного стихотворца. До него литераторы славили правителей витиевато, велеречиво-таинственно. А Гаврила Романович, по обыкновению, не только воспевал, но и забавлял. Заставлял улыбнуться, а то и призадуматься. Умел «истину царям с улыбкой говорить».

Постепенно Державин превращался во влиятельного политика, не страшился идти наперекор конъюнктуре. Мог, по собственному выражению, «вьючить бремя должностей». Подчас тяготился службой, но преодолевал душевную смуту, не опускал рук. При Павле I не смирился с опалой Суворова. И открыто ликовал, когда император вернул полководца из ссылки, чтобы направить того в Италию — воевать против французских революционных армий.

«Дней Александровых прекрасное начало» Державина не восхищало. Новый царь увлекся республиканскими идеями, а его молодые друзья-советники, по мнению Гаврилы Романовича, плохо знали Россию. Он помнил пугачевщину, когда на «злонравие» помещиков и чиновников простой люд ответил кровавым мятежом. Стихотворца пугало, что «прогрессивные» аристократы мечтали не о службе, а о вольностях. Их устремления выглядели благородно, но за ними виделось опасное разрушение устоев. Дворянам за то и полагаются привилегии, что они защищают Отечество, служат Родине с оружием в руках. Сторонники безграничных свобод ополчились на «ретрограда». Все закончилось отставкой старого юстиц-министра. Государь отпустил его «на волю» со словами, которыми Державин в глубине

уязвленной души гордился: «Ты слишком ревностно служишь».

К тому времени он выстроил дворец на Фонтанке — туда шли и материальные поощрения монархов, и жалованье, и деньги из деревень, и картежные выигрыши. Устроил там домашний театр и зал для заседаний «Беседы любителей русского слова». Правой рукой хозяина в этом благородном собрании стал адмирал Александр Шишков. Вместе они пытались возродить дух патриотизма накануне решающей битвы с Наполеоном. Державин говаривал: «Французить нам престать пора!» Стихийный почвенник, он понимал, что столкновение с Западом неизбежно.

Поэма Званская

По меркам того времени он дожил до глубокой старости. В закатные годы сочинил несколько шедевров, в том числе поэму о сельской жизни «Евгению. Жизнь Званская». Это произведение

Державин облек в форму послания к митрополиту Евгению Болховитинову, с которым сдружился в последние годы.

*Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором:
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером
Там щука пестрая, — прекрасны!*

Это колоритное описание незабываемо, у стихов есть не только настроение, но и запах, и вкус.

В юности гимназист Гавриил участвовал в археологических экспедициях на развалинах древнего Булгара, изучал сохранившиеся островки бывшей Золотой Орды. А под старость лет облюбовал берега Волхова — край, откуда во времена Рюриковы «есть пошла Русская земля». Обосновался в Новгородской губернии, в имении Званка. «Здесь царство комарье, / Царица в нем Дарья», — поддразнивал он свою хозяйственную супругу. Идиллию отставного поэта нарушил Бонапарт. Когда враг перешел Неман и полумиллионной армией навалился на русских чудобогатырей, Державин встал в строй, не армейский, конечно, — возраст не тот. Писал стихи во славу защитников Отечества. А еще послал царю трактат с предложениями о том, как одолеть Наполеона не только на поле брани, но и на политическом фронте. Первые месяцы войны его, привыкшего воспевать виктории Суворова и Румянцева, привели в отчаяние. В кругу друзей — екатерининских стариков — он

ругал политику «молодых друзей» императора, легкомысленных западников, которые, по его мнению, ослабили Россию.

Ближе к осени 1812-го Державин приветствовал назначение Кутузова главнокомандующим, а когда захватчики оставили Москву, молился о победе. И она пришла. Окончательная — весной 1814-го, с маршем русской армии по Парижу. Гаврила Романович даже собирался лично прибыть во Францию, дабы пировать с победителями. Но так и не решился на дальнюю дорогу. Удивительно, но за долгую жизнь ему не довелось выбраться за пределы Российской империи. Он был во всех смыслах неотделим от державы.

Бокал за здоровье триумфаторов поднял в Петербурге. Ликовать не разучился и первым громогласно нарек императора Александра Благословенным:

*Спесь мы Франции посбили,
Ей кудерки пообрили,
Убаюкана она!
Уж не будет беспокоить,
Штуки разные нам строить:
Дайте чашу нам вина!
Веселися, царь блаженный,
Александр Благословенный!
Русская земля сильна.*

Военные песни в простецком духе в те дни удавались ему лучше, чем глубокомысленные оды.

Он еще успел благословить юного Пушкина на лицейском экзамене и плакал от радости, увидев, что национальная поэзия продолжается, что державинское слово оказалось подхвачено сильными голосами. Летом 1816-го захворал...

Осыпанный цветами гроб по Волхову на лодке бережно доставили в Хутынский монастырь. Там

поэта и похоронили — в Богословском приделе собора Преображения Господня. Слуги обнаружили в его кабинете грифельную доску, на которой мелом были начертаны слова последней оды — «На тленность»:

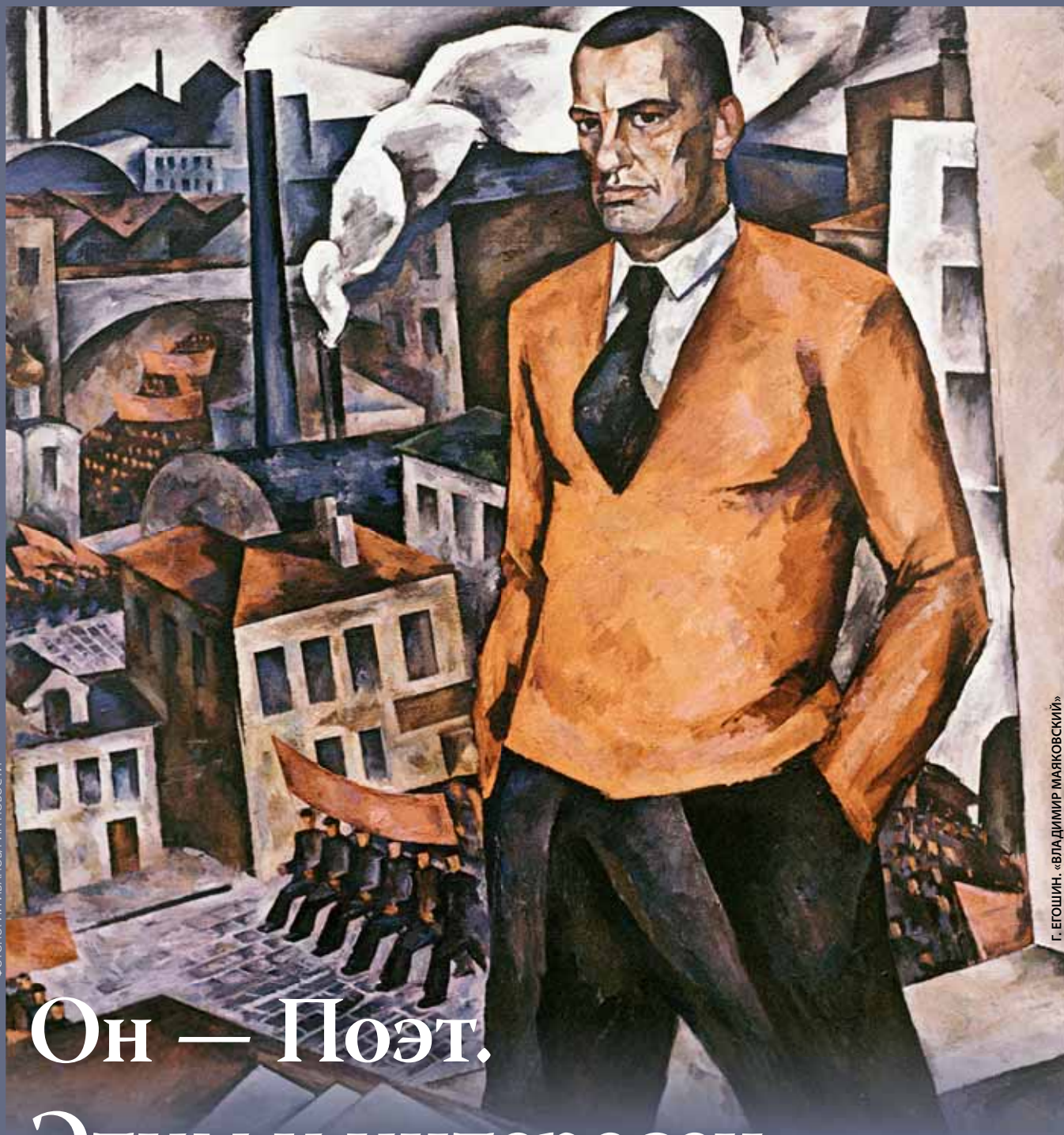
*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

Он успел написать только восемь первых строк. Получилось единственное в своем роде «упадническое» стихотворение Державина. В следующей строфе, будь она сочинена, автор непременно оспорил бы мрачный тезис, рассказал бы о бессмертии — и земном, и небесном. Однако не все безотрадно, если даже стихи, начертанные хрупким мелом, сохранились на века...

В 1943-м, после Сталинградской победы, Россия отмечала державинский юбилей. Казалось бы, какое дело стране победившего социализма до дворянина, щеголявшего в припудренном парике?

Но он снова оказался необходимым — как в суворовские времена, как в 1812 году. Фронтовые газеты цитировали: «А слава тех не умирает, кто за Отечество умрет».

Мы ищем национальную идею, придумываем формулу патриотизма. А Державин давно об этом рассказывал. В его стихах — военная тайна той России, которую невозможно победить, которую вслед за ним мы называем Родиной.

Он — Поэт. Этим и интересен

В иерархию крупнейших русских поэтов каждая эпоха вносит собственные коррективы. Особенно этим грешил, признаем, советский период. В наши дни появилась прекрасная возможность составить в этом плане объективный «рейтинг», и вряд ли будет ошибкой предположить: Владимир Маяковский, даже несмотря на то, что он прославлен прежде всего как трибун революции, окажется в этом списке на самых верхних строчках. Со дня рождения великого поэта 19 июля исполнится 125 лет.

Валентин Буров

С самим собой

Сегодня, когда о нем как классике первой величины изданы, наверное, сотни биографических книг и культурологических монографий, вряд ли есть резон перечислять в очередной раз вехи его биографии и творчества. Любой рассказ об этой фигуре будет заведомо вторичен. Что касается субъективного восприятия, то всякий любитель отечественной поэзии может отыскать в судьбе и произведениях Маяковского нечто «свое». Либо — не найти этого «своего» вовсе. Хотя последнее для тех, кто нормально учился в советской школе, — почти невероятный вариант. Дружески-панибратские и в то же время правдоподобно звучащие диалоги поэта с солнцем, горделивая ода гражданскому паспорту, прославление самоотверженных героев труда, когда-то строивших для всех нас город-сад, и многие другие, ставшие крылатыми строки полюбили или как минимум запомнились миллионам соотечественников...

От общения с духами рифмы он, пока бодрствовал, ни на час не отстранялся. «Володя писал стихи постоянно, — вспоминала «почти жена» Лиля Брик, — во время обеда, прогулки, разговора с девушкой, делового заседания — всегда! Он бормотал на ходу, слегка жестикулируя. Ему не мешало никакое общество, помогало даже».

К примеру, находясь в Куоккале (на берегу Финского залива), беспрестанно, методично, в такт звучащим в голове ритмам, вышагивал огромными ногами по пляжу, прыгал по обнажившимся после отлива валунам и сосредоточенно, тихо разговаривал о чем-то сам с собою, не обращая ни малейшего внимания на окружающих. Вспоминал о них лишь тогда, когда нужно было прикурить очередную папиросу. Однажды Маяковский бросился за спичками к какому-то финну, стоявшему неподалеку, на взгорье. Тот в испуге пустился наутек.

Его тяжелые, грубого литья строфы звенели непомерно частыми неологизмами: «сердцелюдые»,

1910

ФОТО: ИТАР-ТАСС

«дрыгоножество», «серпастый-молоткастый»... Виктор Шкловский вспоминал, как однажды его друг Владимир гордо изрек: «Я сумел не научиться писать обыкновенные стихи».

Между прочим, некогда он признавался в другом: «Стихов писать не могу», — и взялся за рисование. Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества — единственное место, куда принимали без свидетельства о благонадежности. А в то время Маяковский уже был, мягко говоря, не вполне лоялен по отношению к существовавшим порядкам.

Барабаном по голове

В автобиографии он сообщал: «Беллетристики не признавал совершенно. Философия. Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловием» Маркса».

Разве можно этим увлечься? Оказывается, вполне. Экзальтированный, зараженный революционной пропагандой молодой человек, по-видимому, мог выжимать из суховатых плодов творчества бородатого философа вполне питательный нектар. К тому же Маркс в начале XX века был чрезвычайно моден — как брюки-дудочки, клетчатые пиджаки и кожаные штиб-

леты. Скажем, молодая Крупская им отчаянно восторгалась: «Читала Карла Маркса — будто живую воду пила».

«По-моему, началось со следующего: при панике (может, разгоне) в демонстрацию памяти Баумана мне (упавшему) попало большущим барабанищем по голове», — так описывал Маяковский момент своего революционного «прозрения». А через годы ударил уже в свои барабаны: «Если вождь зовет, / рука, на винтовку ляг! / Вперед, за взводом взвод! / Громче печать — шаг! / Совет — наша власть. / Сами собой правим. / На шею вовек не класть / рук барской ораве».

Вот еще немного из автобиографии: «Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики»...»

В 1908-м, пятнадцати лет от роду, вступил в РСДРП, получил кличку «товарищ Константин». Кровь бурлила и жилы рвала, он то с самодеятельством боролся, то еще с чем-нибудь. По его словам, ходил пропагандировать к булочникам, сапожникам, типографщикам. Неужто усатые-бородастые отцы семейств безоговорочно верили пылкому юнцу? Кто-то, вероятно, вдохновлялся его лозунгами — всяко бывает.

Однажды Маяковский взялся помочь женщинам-политкаторжанкам бежать из Новинской — на одноимен-

ФОТО: ВЛАДИМИР ВДОВИНИН/РИА НОВОСТИ

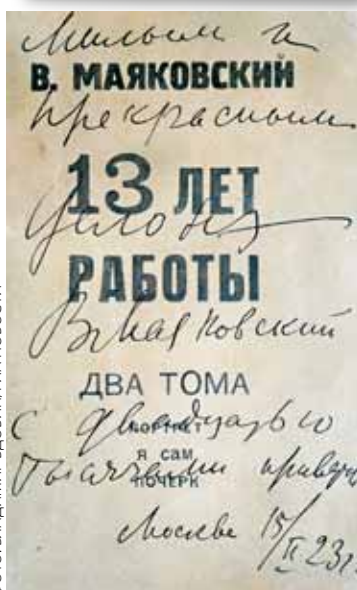

ФОТО: ВЛАДИМИР ВДОВИНИН/РИА НОВОСТИ

ном московском бульваре — тюрьмы. Затем сам угодил за решетку — нарвался на полицейскую засаду в Грузинах. Пошел на крайность: съел блокнот с адресами, чтобы не выдать товарищей.

Будущего горлопана-главаря выпустили из заключения и опять арестовали, чтобы вскоре вновь освободить. А на третий раз свезло гораздо меньше: сидел по всей Москве — в Басманной части, Мещанской, Мясницкой. Наконец, перевели в Бутырку, где он провел 11 месяцев.

Мать смутьяна Александра Алексеевна на сей счет свидетельствовала: «Полиция хотела выслать его на три года в Нарымский край. После моих хлопот, ввиду его несовершеннолетия, он был освобожден и отдан под надзор полиции».

Маяковский по натуре был человеком азартнейшим. Если не оказывалось под рукой колоды карт, то играл на бильярде, любил шашки, шахматы, кости, бирюльки, домино. Даже к старинной китайской игре маджонг со временем приобщился — купил по случаю в Мосторге.

«Нынче наши перья — штык»

К сочинительству его приохотил товарищ по училищу Давид Бурлюк. Маяковский что-то срифмовал, прочитал

ФОТО: ИТАР-ТАСС

А. Шемшурин, Д. Бурлюк и В. Маяковский

приятелю, а тот похвалил. В дальнейшем, знакомя с кем-то Владимира, Давид басовито интриговал: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Гений смущался, отнекивался, однако Бурлюк на своем настаивал и, слегка сердясь, мотивировал: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение».

Первое опубликованное стихотворение «знаменитого поэта» (тогда кавычки были уместны) называлось «Ночь».

*...Толпа — пестрошерстая
быстрая кошка —
плыла, изгибаясь,
дверями влекома;
каждый хотел про-
тащить
хоть немножко
громаду из смеха
отлитого кома.
Я, чувствуя пла-
тья зовущие лапы,
в глаза им улыбку
протиснул; пугая
ударами в жёсть,
хохотали арапы,
над лбом расцветивши
крыло попугая.*

Как видим, дебютное произведение не типично. Оно слишком правильное, а в контексте перенасыщенного символами Серебряного века — очень даже «обыкновенное».

Тотальная устремленность в будущее (а именно это означает его знаменитый «футуризм») и показное презрение к прошлому проявятся после череды революций и войн, в моменты относительно затишья. К примеру, сбросить Пушкина с корабля современности Маяковский призывает в 1924 году:

*Вам теперь
пришлось бы
бросить ямб картавый.
Нынче
наши перья —
штык
да зубья вил, —
битвы революций
посерьезнее «Полтавы»,*

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ЛЕОНОВИЧ НА НОВОСТИ

С.Л. Брик
на курорте
Норден Зее. 1922

ФОТО: РИА НОВОСТИ

*и любовь
пограндиознее
онегинской любви...*

А еще позже даст о себе знать рецидив «старой болезни», которая вернется к Владимиру Владимировичу тогда, когда он прокричит уже практически все свои нигилистические манифесты. Лиля Брик рассказывала: «Попривыкнув, обыватели стали злословить по поводу якобы возврата Маяковского к классическому стихосложению: дескать, пришлось за ум взяться, — не видя того, что это не «старые ямбы», а новая высокая степень мастерства, когда вы перестаете замечать следы напряженной работы».

Отвергая каноны

У поэта такого масштаба, помимо обязательной армии поклонников, непременно отыщутся недоброже-

латели, причем весьма авторитетные, высокоталантливые. Одного из таких антагонистов упоминал Корней Чуковский: «Всемогущий Влас Дорошевич, руководитель «Русского слова», влиятельнейший журналист, с которым я, по желанию Владимира Владимировича, попытался познакомить его, прислал мне такую телеграмму (она хранится у меня до сих пор): «Если приведете мне вашу желтую кофту позову околоточного сердечный привет».

Великий Иван Бунин свое отношение к коллеге выражал без посредников: «Маяковский прославился в некоторой степени еще до Ленина, выделился среди всех тех мошенников, хулиганов, что назывались футуристами. Все его скандальные выходки в ту пору были очень плоски, очень дешевы, все подобны выходкам Бурлюка, Крученых и прочих. Но он их всех превосходил силой грубости и дерзости... Вот он, по воспоминаниям одного из его тогдашних приятелей, выходит на эстраду читать свои вирши публике, собравшейся потешиться им: выходит, засунув руки в карманы штанов, с папиросой, зажатой в углу презрительно искривленного рта. Он высок ростом, статен и силен на вид, черты его лица резки и крупны, он читает, то усиливая голос до рева, то лениво бормоча

себе под нос; кончив читать, обращается к публике уже с прозаической речью:

— Желавшие получить в морду благоволят становиться в очередь».

Надо ли в подобных случаях как-то возражать задним числом, спорить с давно почившими классиками? Разумеется, нет. Наша уникальная в своем многообразии литература не была бы столь великолепной, если бы ее главные творцы друг другу неизменно нравились.

Вот, к примеру, Горькому Маяковский пришелся по душе. Еще до революции издательство Алексея Максимовича «Парус» охотно приняло и опубликовало сборник «Простое как мычание» и поэму «Война и мир». А когда состоявшийся уже прозаик послушал в исполнении молодого стихотворца «Облако в штанах» — растрогавшись, залил ему слезами жилет. После они регулярно виделись, и из когорты футуристов Горький выделял Маяковского как единственного настоящего поэта — покуда меж ними не произошла банальная, в сущности, ссора (уже при советском режиме)...

Аркадия Аверченко стихи Маяковского не впечатляли, однако его талант знатный юморист, редактор «Сатирикона» признавал, да и выгоду имел от публикации сочинений набиравшего вес популярности автора.

«В терновом венце революций»

Войну 1914 года Маяковский «принял взволнованно». Потом перед ним «вплотную встал военный ужас». Пытался записаться добровольцем — не взяли как неблагонадежного. И тем не менее в стихах некоторые свои настроения выразить смог: «По черным улицам белые матери / судорожно простерлись, как по гробу газет. / Вплакались в орущих о побитом неприятеле: / «Ах, закройте, закройте глаза газет!..»

Через год после начала Первой мировой Маяковский предсказал грядущую революцию, хотя и самую малость ошибся в цифрах:

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрзный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей обрывается куций,
главой голодных орд,

в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

Об Октябре, даровавшем ему невиданный прилив сил, он написал великое множество строчек. Маяковский и прежде не знал усталости, теперь же уподобился кузнечному горну, в котором непрерывно плавился поэзии металл. А сверху надо всем этим висели, пришиваясь к производственным испарениям, густые клубы табачного дыма.

Так продолжалось много лет.

В какое-то время горн подостыл, и то, что раньше было лишь эпизодической смертной тоской, обрело трагическое постоянство. 14 апреля 1930-го Вероника Полонская, уходя от Маяковского, услышала, как он пулей разорвал себе сердце.

Приказано возвеличить

После гибели больше пяти лет о нем не вспоминали. Тягостного молчания, а точнее, замалчивания не выдержала Лиля Брик, которая написала письмо Сталину, прося помочь с изданием стихотворений великого пролетарского поэта, организацией мемориального кабинета, переименованием одной из московских улиц. И вообще настаивала на том, чтобы отдали должное тому, кого незаслуженно забыли.

Все изменилось в считанные дни.

Вождь отослал записку Николаю Ежову: «Очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик». Далее следовала фраза, вошедшая в историю: «Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». А следующие слова звучали как угроза потенциальным ослушникам: «Безразличие к его памяти и произведениям — преступление».

Маяковского было приказано возвеличить. По выражению Бориса Пастернака, его стали «вводить принудительно, как картофель при Екатерине». Издавали огромными тиражами и часто, обильно цитировали.

Биографию тщательно отмыли от лишних персоналий и сомнительных связей, и она засияла, как парадный зал Кремля. «Это было его второй смертью», — выразился тот же Пастернак. — В ней он не повинен».

«Третьей смерти» Маяковского, надо полагать, не будет. Даже несмотря на годы почти принудительной десоветизации, его творчество остается дорогим многим. «Я поэт. Этим и интересен», — справедливо утверждал он. Сегодня, когда мы знаем о нем почти все, такая фраза кажется безусловной истиной.

Б. ПРОКОВ «МАЯКОВСКИЙ В ОКТЯБРЕ», 1965

Званный гость

ФОТО: АНДРЕЙ ВЕСЕЛОВ/РИА НОВОСТИ

Захар Прилепин:

«Наш фильм о Донбассе попал в лонг-лист «Оскара»

Сергей Александров

Писатель Захар Прилепин вот уже несколько лет живет в Донецке. Он — замкомбата спецназа армии Донецкой народной республики, а «по совместительству» — глава благотворительного фонда, оказывающего финансовую поддержку жителям Донбасса. Поговорить с Захаром удалось в начале лета, когда он на пару дней приезжал в Москву — записать несколько авторских телевизионных программ.

СВОЙ: *Насколько существенна помощь, которую жителям бывшего юго-востока Украины оказывают наши волонтеры-благотворители? Можно ли сказать, что без этой поддержки многим людям было бы трудно выжить?*

Прилепин: В 2014-м и даже в 2015-м вопрос физического выживания стоял там перед огромным количеством семей. У людей не было ничего — ни денег, ни еды. На нас голодными глазами смотрели маленькие дети, исхудавшие мамы, ошавевшие от невозможности как-то исправить ситуацию. Мы доставляли продукты, давали деньги, и эти бедняги просто плакали от счастья. Сейчас система социальной помощи, как мне видится, более-менее отлажена, во всяком случае в Донецке, но остаются направления, по которым нашему фонду работать,

ЗВАННЫЙ ГОСТЬ

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРИФУЛИН/ТАСС

Разрушенные дома в районе аэропорта Донецка. 2015

судя по всему, предстоит еще долго. В поле зрения — получившие тяжелые ранения бойцы, а им — по разным, чаще вполне объективным причинам — не могут сделать дорогие операции, оплатить качественные, тем более заграничные, протезы. В этом плане мы помогли немалому числу военных...

СВОЙ: Можете вспомнить какой-нибудь особый по своему драматизму эпизод?

Прилепин: Таких было много. К примеру, у одного бойца возник-

ли серьезные проблемы с сердцем. Ему срочно потребовалось шунтирование. Воевал-воевал человек, а врачи ему говорят: «Тебе жить осталось три недели, если на операцию не ляжешь». А деньги для этого нужны огромные. Он обращался ко всем знакомым командирам. Те разводили руками, говорили: «Нет, брат, всей суммы мы тебе не соберем». Пришел ко мне — глаза тоскливые. Сотню раз смерть за ним бегала на передовой, а настигла, выходит, там, где не ждал... Деньги

нашли, операцию оплатили, мужика спасли... По этому поводу вот что хочу сказать: люди в России — поразительно отзывчивые. За последние годы у меня не раз возникало ощущение, что скоро они прекратят посылать в наш фонд свои кровные, помогать уже порядком устали — ну сколько можно, война на Донбассе длится больше, чем шла Великая Отечественная... И всякий раз оказываюсь неправ: даю новый клич — и они опять собирают, невзирая ни на что. Эмпатия у соотечественников развита так, что никогда не перестанешь этому поражаться.

СВОЙ: Как сказала на волонтерском движении гибель Елизаветы Глинки?

Прилепин: По правде говоря, я не в курсе того, что происходит в созданном ею фонде. Скажу лишь то, что знаю. У нас возникали ситуации, когда детям требовались очень сложные операции, а мы не могли своими силами помочь. Связывались с фондом Доктора Лизы, и те, кто там сейчас работает, вывозили больных с Донбасса, а потом вкладывали большие деньги (речь шла

ФОТО: ГЕНАДИЙ ДУБОВОЙ/РИА НОВОСТИ

о десятках тысяч долларов), чтобы спасти им жизни и поправить здоровье. Еще раз оговорюсь, Доктор Лиза специализировалась на помощи детям, мы же занимаемся проблемами военных, находившихся либо до сих пор находящихся на линии боевого соприкосновения. И в этом смысле наш фронт работы остался неизменным. А вообще, Лиза Глинка — символ нашего движения. Часто ее вспоминаем.

СВОЙ: *Расскажите о волонтерской деятельности в широком смысле. Ведь многие артисты, врачи, преподаватели, общественные деятели и другие граждане России приезжают на Донбасс как бессребреники-добровольцы.*

Прилепин: Хотелось бы отметить не только тех, кто нас финансово поддерживает (как это делает, к примеру, Владимир Валентинович Меньшов — однажды взял да и принес мне в пакете миллион рублей наличными и ноутбук новый передал), но и тех, кто помогает ДНР всем, чем может. Регулярно навещают четверо актеров, друзей Донбасса — Иван Охлобыстин, Михаил Пореченков, Сергей Маховиков и Сергей Пускепалис. Золотые ребята. В России много артистов, кумиров молодежи, которые играют героев разных войн — от Великой Отечественной до афганской. Посмотришь на такого,

ФОТО: ГЕННАДИЙ ДУБОВОЙ/РИА НОВОСТИ

крутого и горячего, и кажется, что от него прикуривать можно. Однако в Донецк в большинстве своем они и не собираются приезжать, а пригласишь — смотрят косо, ищут отговорки: мол, съемки сейчас идут, заглянем к вам как-нибудь попозже. Те же, кого я назвал, ездят в ДНР как к себе домой: кто-то свой новый фильм покажет, кто-то раненому бойцу поможет или денег особо нуждающимся перечислит. И никак они эту деятельность не рекламируют, хотя о ней и без того все в республике знают. Примерно та же история с музыкантами. Юлия Чичерина вообще стала поистине народной певицей Донбасса, дала

там десятки концертов. Приезжала на своей машине в компании мужа и любимой собаки, выступала на передовой едва ли не на всех участках. А больше всех дал в ДНР концертов (возможно, даже не одну сотню) Александр Дадали с Кубани. Для бойцов практически всех подразделений он пел по несколько раз, а свою миссию с самого начала воспринял как некое личное духовное задание.

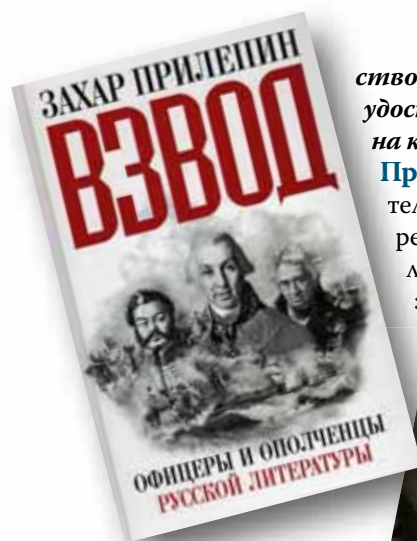
Из рок-звезд упомяну Вадима Самойлова (помимо концертной деятельности, проводил фестивали, выявлял талантливую молодежь), создателя и руководителя «Бахыт-Компота» Вадима Степанцова, группу «Зверобой», Александра Ф. Скляра (в 2014-м мы с ним впервые отправились в Луганск и с тех пор видимся на Донбассе регулярно, его там очень любят и уважают). Когда позвали рэп-исполнителей из России на фестиваль «Лава Фест», в Донецк приехали чрезвычайно популярные в этой среде Хаски, Птаха, Рич, Рем Дигга... К слову, Хаски в последние годы стал чрезвычайно известен, его лицо можно увидеть во всех издающихся на русском глянцево-журналах. Наш либеральный истеблишмент, для которого Донбасс — слово ругательное, Диму Кузнецова (настоящее имя рэп-музыканта. — «Свой») чуть ли не облизывает, великодушно прощая ему «заблуждения молодости», хотя, конечно, спрашивает иногда: «Ну что, дорогой, с Захаром дружишь? Перед Моторолой выступал?», — и, получив утвердительные ответы, продолжает публиковать о нем пространные материалы в журналах и газетах. Ростовчанин Рем Дигга сочинил две песни, вызывающие у публики в ДНР и ЛНР приток чувств на грани неистовства — «Донбасс в огне» и «Уходит караван на юг». Когда он их исполнял на стадионе в Донецке, тысячи людей подпевали хором, плакали многие, не стеснясь.

СВОЙ: *Как получилось, что короткометражная лента «Дежур-*

На концерте Рема Дигги

ФОТО: WWW.DAN-NEWS.INFO

ство» с Вами в главной роли удостоилась главного приза на кинофестивале Tribeca?

Прилепин: Это замечательная работа молодого режиссера Ленара Камалова. Он позвонил и сказал, что у него есть хороший сценарий для

фильма о Донбассе. Предложил роль. Я с радостью согласился, только оговорил условие: «Давай уложимся в один день. У нас тут «горячая пора», нельзя надолго отлучаться с позиций». Ленар сказал: «Добро», и я прямо с передовой, в форме, к нему приехал. Слава Богу, и фильм оказался небольшой, и мой персонаж говорит мало, заучивать слова долго не пришлось, — в общем, отыграл и в той же одежде вернулся обратно, на «передок».

Тут же попал под обстрел. Ползли с товарищами метров сто пятьдесят под пулями снайпера. Били по нам всем чем возможно... Именно этим наше кино мне больше всего и запомнилось.

Камалов отправил «Дежурство» на фестиваль, и, на удивление, американская кинематографическая богема отнеслась к фильму более чем лояльно. В отличие от политического истеблишмента ей не было никакого дела до конфликта на Донбассе, она просто оценила картину и присудила ей приз. Что тут началось! Даже не украинская — эмигрантская публика настроила аномальное количество доносов, накидала на интернет-сайт фестиваля невиданное количество комментариев, схожих по стилю и смыслу, а то и вовсе напечатанных как под копирку, типа: «Позор! Дайте еще и ИГИЛу премию! До чего докатилась Tribeca!...»

Камалов написал: «Захар, боюсь, что премию отберут». Я ответил: «Ленар, будет слишком смешно, если американцы пойдут на поводу у этих «критиков»...» И оказался прав — американцы высказались примерно так: «Мы оцениваем не конфликт, а фильм, который сделан безупречно». Так, по факту присуждения пре-

мии Tribeca, наше «Дежурство» попало в длинный список «Оскара», что само по себе прекрасно. У Камалова это действительно дебют, и он получился весьма удачным.

СВОЙ: Впереди у Вас новая роль?

Прилепин: Мои друзья анонсировали картину под названием «Толерантность». Действие фильма происходит в некоем среднестатистическом европейском городе, переживающем сложные гендерные проблемы. Я играю злодея, который получил двадцать один год лишения свободы за убийство.

СВОЙ: Что появилось вначале — намерение написать книгу о наших писателях-комбатантах «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы» или стремление поехать на Донбасс и взять в руки оружие?

Прилепин: Когда начался конфликт, не стану скрывать, мы с товарищами сразу начали создавать на Донбассе свою боевую единицу. Я так или иначе это дело курировал. Пытались сформировать батальон в Луганске, но собрали в итоге взвод разведки: все наши волонтеры ввиду царившей тогда неразберихи разошлись по другим подразделениям. В 2015 году я понял, что все надо делать самому. Пришлось пойти довольно сложным путем — начал работать советником главы ДНР и предложил уже ему лично: «Александр Владимирович, давайте создадим у вас батальон». Он какое-то время подумал, присмотрелся ко мне и согласился.

Тогда еще казалось возможным переубедить ту часть нашей интеллигенции, которая заняла противоположную позицию по украинскому вопросу. Эти люди, когда «вразумляли» меня, непрерывно клялись именем русской литературы. Мне же всегда представлялось очевидным: русская литература бесконечно далека от того, что говорят о ней наши либеральные интеллигенты, она совершенно иная. Я понял, что оспаривать их точку зрения в СМИ нелепо. Решил, нужно сделать такую книгу, которая будет неоспорима в принципе — с выдержками, цитатами, документальными текстами, военными биографиями, поскольку ни у кого из оппонентов, судя по всему, до них руки не доходили. Перед заездом на Донбасс, пока создавался батальон, приехал в свою деревню и там довольно быстро, месяца за два — два с половиной прочитал три сотни книг, получил по почте необходимые документы, все это вскрыл-расшифровал. Возможно, я первым среди писателей изучил во всех подробностях военный путь Чаадаева, вехи адмирала Шишкова, другие малоизвестные факты, связанные с

боевой службой русских литераторов. Открытия удивляли и радовали одновременно, хотя бы тем, что действовали эти люди примерно в такой же геополитической ситуации, а зачастую — на тех же самых территориях, где мне довелось побывать с оружием в руках.

Я написал и издал книгу, но те же самые оппоненты повели себя уникальным образом — сделали вид, что ее как не было, так и нет, поскольку оспорить все, что в ней сказано, невозможно.

СВОЙ: Многие воспринимают Вас как эmissара Москвы на Донбассе, что, во-первых, накладывает огромную ответственность, а во-вторых, делает основную мишенью в глазах ярых, вооруженных до зубов украинских националистов. Зачем преуспевающему литератору, главе многодетного семейства такое бремя и подобный риск?

Прилепин: Отвечая на схожие вопросы, ссылаюсь обычно на цитату из письма Пушкина. Во время очередной кампании он сказал, что перед лицом трагедии «некогда думать о собачьей комедии нашей литературы». Эта фраза, помнится, меня очень сильно в свое время позабавила...

А если говорить серьезно, я присутствовал на всех родах своей жены. Ощущение, которое в те моменты испытывал, очень похоже на чувство, которое некогда «накрыло» меня на Донбассе. Когда смотришь на рождение нового, на все эти этапы страдания, очищения, то поневоле восхищаешься тем, как меняется конфигурация мира, а вместе с ней — твоя внутренняя, душевная структура. Я дико тоскую по Донецку, когда нахожусь от него вдалеке. Вот приехал в Москву на три дня, и уже вчера ностальгировал. Меня, как говорит молодежь, сильно «вштыривает» от всего, что нашел там для себя, — от людей, лиц, атмосферы, воздуха.

Никаких пафосных целей изначально для себя не ставил. Честно

ФОТО: ВАЛЕРИЙ МЕЛЬНИКОВ/РИА НОВОСТИ

говоря, даже не думал, что к факту моего пребывания в ДНР будет приковано столь серьезное внимание.

Военкор Саша Коц, встретив меня в феврале 2017-го в Донецке, предложил: «Ну что, Захар, ты ведь уже не первый месяц служишь, давай сделаем с тобой интервью небольшое». Я ему: «Саш, не стоит, шуму будет много». А он: «Да ладно, не случится никакого скандала, прочитают и забудут». Побеседовали — и тут началось! Вышли сотни статей как в российской, так и в украинской и зарубежной прессе, шуму было немало.

Дело в том, что я — никакой не эmissар Москвы. Никто меня на Донбасс не отправлял. Все происходило на уровне личной договоренности с Захарченко. После того интервью какие-то ответственные лица из Москвы в ужасе звонили в министерство обороны ДНР. А там и знать не знали, кто я такой, отвечали: «Да какой Прилепин? Мы вообще не в курсе», — и в свою очередь называли в какие-то федеральные наши структуры. Где-то дня три никто не знал, как на возникший «скандал» реагировать. Но когда высказались по этому поводу несколько высоких начальников из центра, журналисты как будто успокоились.

Очень многие украинцы тогда кричали: Прилепин приехал на Донбасс поставлять пушечное

мясо. Это неправда. На момент ажиотажа в прессе у нас уже был полный состав батальона, а заявок приходило, наверное, на дивизию. Из России люди просто заваливали письмами. И до сих пор пишут, просят взять их в наше подразделение. Я же принципиально не пополняю армию ДНР через свои руки. И вообще, мы стараемся брать только местных ребят. Но желающих туда приехать — по-прежнему огромное количество. Так что мое «эmissарство» состоялось помимо моей воли.

Что касается риска для жизни... Трагики не хочу нагонять, но и скрывать не стану: перед Новым годом Захарченко сказал, что в списке на ликвидацию в Донецкой народной республике я занял четвертое место — после него и еще двух крупных военных специалистов. В то время на ее территорию заехали три снайпера и четыре группы подрывников. Глава ДНР тогда предупредил: «Захар, будь аккуратнее и, пока есть возможность, вывези семью отсюда». Я этому совету внял, семью тут же вывез. А перед этим передвигались с женой и детьми на двух авто. Едва ли диверсанты знали, на какой машине ехал я, а на какой — мои близкие.

Некоторое время переживал по этому поводу, но потом подумал, подумал и пришел к выводу: «Господь за всем присмотрит».

А. РЫЛОВ. «ПОЛЕВАЯ РЯБИНА». 1922

Цвет настроения — летний

Россию принято считать северной страной. Однако на самом деле климат наш значительно разнообразнее: территории простираются от умеренного до субтропического пояса. Именно это богатство определило палитру летних сюжетов, воплощенных отечественными живописцами.

Ксения Воротынцева

АЛЕКСЕЙ Венецианов, один из родоначальников бытового жанра, нередко писал родные ландшафты, причем на его картинах пейзажи отнюдь не фон для пасторальных героев. Служивший чиновником в Петербурге, мастер в 1819 году оставил столицу и вместе с семьей переехал в деревню Сафонково Тверской губернии. Всей душой он полюбил сельский быт, открыл художественную школу, где за более чем 20 лет прошло обучение свыше 70 крестьян. Навещал город на Неве — по делам. Но тосковал, изливал душу в письмах: «Никогда мне не было так скучно, грустно и досадно в Питере, как теперь». Его деревенские этюды были не картинками скучающего барина, но тонкими наблюдениями гуманиста, влюбленного в простых людей и в неяркую красоту природы. Показательна одна из работ — «На жатве. Лето» (середина 1820-х). Тяжелый изнуряющий труд — уборку хлебов, проходящую, как правило, в самую жаркую пору, — мастер представляет как гармоничное занятие, в полном соответствии с идеями о единстве человека и природы.

И все же Венецианов был исключением: скромная красота средней полосы долгое время не интересовала отечественных живописцев — предпочтение отдавалось швейцарским или итальянским видам. Открывшие русский пейзаж Иван Шишкин, Алексей Саврасов, Федор Васильев, Исаак Левитан узаконили и приглушенные краски лета. Тихим лиризмом проникнуты произведения Василия Поленова, в них обнаруживаются райские мотивы. Картина «Бабушкин сад» (1878) посвящена ветхим «дворянским гнездам», исчезающему па-

А. ВЕНЕЦИАНОВ. «КРЕСТЬЯНКА С КОСОЙ И ГРАБЛЯМИ (ПЕЛАГЕЙ)». НЕ ПОЗДНЕЕ 1824

триархальному укладу. А знаменитый «Заросший пруд» (1879) и вовсе предстает одним из уголков Эдема, совершенно безлюдным, не считая маленькой женской фигурки, виднеющейся в глубине зарослей. Художник мастерски использовал множество оттенков зеленого цвета, колористической тонкости способствовала работа на пленэре. Много писал с натуры и Алексей Саврасов, усвоивший принципы барбизонцев и вошедший в историю как чуткий лирик. И хотя больше известны его весенние и зимние пейзажи, стоит отметить «Лето» (1893) — идиллическое изображение солнечных полей, покрытых созревшими колосьями. Привлекали Саврасова и волжские виды («Пейзаж. Берег Волги», 1874), он активно путешествовал в поисках подходящих сюжетов.

Изысканные пейзажи выходили из-под кисти Исаака Левитана. Художник хорошо чувствовал природу и придавал ей человеческое измерение. На картине «Лето» (1890-е) привычные ландшафты средней полосы изображены с любовью, цветы на лугу переливаются, словно драгоценные камни. А знаменитая «Березовая роща» (1885–1889) (здесь мастер чередует пятна света и тени в импрессионистской манере) кажется гимном родной земле. Иные летние сюжеты у Ивана Шишкина, его картинам свойствен эпический размах. «Дорога во ржи» (1866) — это бескрайнее поле, над которым небо, наполовину затянутое тучами; судя по лужам, совсем недавно прошел дождь. Одинокая фигурка путника почти теряется на фоне природы: художник стремится

показать, как мал и беспомощен человек.

Нередко живописцев привлекали пограничные состояния — перемена погоды, буря, шторм. Так, Федор Васильев запечатлел долину, омытую дождем («Мокрый луг», 1872). Эту работу он писал в Крыму, куда уехал поправить здоровье, однако на картине представлены реалии средней полосы: автор основывался на воспоминаниях, а не на свежих зарисовках. На полу-

В. МАКОВСКИЙ. «В ЖАРКИЙ ДЕНЬ», 1881

И. ЛЕВИТАН. «ЛЕТО», 1890-е

острове молодой человек провел последние два года жизни — здесь было создано множество эскизов. В частности, акварель «Крым. Ялта», где на фоне буйной зелени видны очертания гор.

На рубеже XIX–XX веков Таврида обрела среди художников особую популярность. Сочными пейзажами славился Константин Коровин, проводивший много времени на двухэтажной даче «Саламбо»: «В Крыму, в Гурзуфе, у моря, я построил себе дом в четырнадцать комнат. Дом был хороший. Когда вы просыпались, то видели розы с балкона и синее море.... С террасы были видны Одалары — две большие ска-

А. ПЛАСТОВ. «ЛЕТО», 1959–1960

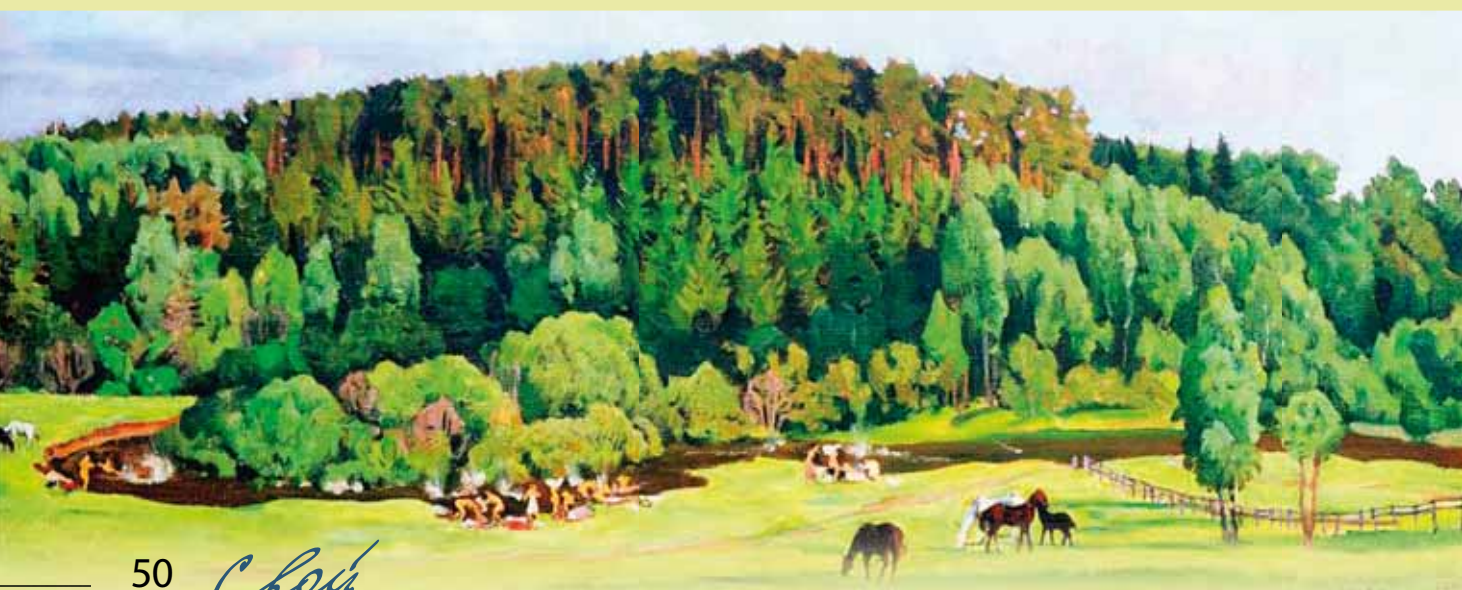

К. КОРОВИН. «НА ВЕРАНДЕ», 1921

лы, выступающие из моря, — «пустынные скалы». На скалах этих никто не жил. Только со свистом летали стрижи. Там не было ни воды, ни растительности». Мастер с удовольствием изображал белые горы, синее море, желтые деревянные пристани, пышные букеты из кремовых, лиловых, багровых роз. Крымское лето было щедрым, оно буквально обрушивало свои дары, и художник писал увлеченно, витально, пастозно. Совсем по-иному видел Тавриду поэт Максимилиан Волошин, связавший жизнь с Коктебелем. На его акварелях запечатлены холодноватые, пустынные киммерийские пейзажи. Порой сложно угадать время года: лето можно распознать лишь по более насыщенным краскам. Тонкие изысканные вещи имеют ориентальный привкус, они располагают к спокойному, неторопливому восприятию.

Летняя тема привлекала не только пейзажистов. Владимир Маковский, брат Константина Маковского, прославился как автор жанровых работ и заслужил прозвище «мастер картины-новеллы». Произведение «В жаркий день» (1881) отличает виртуозное изображение природы, проникновение в психологию персонажей, а также точность бытовых деталей: от костюмов гимназистов до аксессуаров, необходимых для рыбалки. Яркими и карнавальными были работы Бориса Кустодиева —

К. ИКОНИКОВ. «ЛЕТНИЙ ДЕНЬ», 1912

О. ВАСИЛЬЕВ. «МОКРЫЙ ЛУГ», 1872

несмотря на тяжелую болезнь, приковавшую мастера к инвалидному креслу. В многофигурных композициях («Летний праздник», 1923; «Лето. Провинция», 1922) художник представил сказочный патриархальный мир, сгинувший в вихре революции и Гражданской войны. Пышные платья и цветастые шали, ярмарочное веселье, разноцветные купола церквей — все это перенеслось на холст из воспоминаний живописца.

Вневременными, лишенными привязки к конкретной эпохе выглядят пейзажи Константина Юона: например, «Летний день» (1912) и «Июль. Купание» (1925). Разбросанные по склону холма избушки, рядом пасутся лошади, не сразу угадаешь, когда написана вещь — то ли в начале XX века, то ли два, а то и три столетия назад. Любопытна композиция: зритель смотрит на происходящее сверху — это сближает творение Юона с известной работой Кузьмы Петрова-Водкина «Полдень. Лето» (1917), вошедшей в историю в том числе из-за необычной перспективы. Кузьма Сергеевич изобразил весь круговорот жизни — от рождения (фигурка матери с ребенком) до смерти (похоронная процессия). Символично, что шедевр появился в беспокойное революционное время, когда мир фактически создавался с нуля. По-иному реагировал на крушение привычного уклада Аркадий Рылов. Мастер, оказавший большое влияние на следующие поколения

художников, в 1922 году написал «Полевую рябинку», словно пытаясь сбежать в красоту природы от ужасов междоусобицы.

Своеобразным эскапизмом выглядели и некоторые работы Александра Герасимова, первого президента Академии художеств СССР. Помимо парадных портретов, он создавал и камерные вещи, стилистически отсылавшие к импрессионизму. Одно из самых известных произве-

дений — «После дождя» (1935), где запечатлена мокрая терраса с букетом цветов на столе. Впитавший достижения дореволюционной живописи, Герасимов продолжил «лирическую линию» в отечественном искусстве.

Иным выглядело лето у Аркадия Пластова. Через столетие после Венецианова он «реанимировал» крестьянскую тему, вдохнул в нее новую жизнь. Подобно другим большим мастерам, Пластов воспел пейзаж средней полосы России, а также показал ценность тяжелого сельского труда. «Лето» (1959–1960) и «Сенокос» (1945) стали не только гимном крестьянству, но и реверансом в сторону классической живописи, ее богатой истории. А также одой русскому лету, той особой красоте, которая может влюбить в себя навсегда — стоит лишь внимательно присмотреться.

Русская Евразия

И. ПШЕНИЧНЫЙ, «В. БЕРИНГ И А. ЧИРИКОВ В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ», 1989

Беринг родной

Евгений Тростин

290 лет назад начался морской поход Первой Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова — путешественников, чьи открытия уточнили карты Евразии и Северной Америки, Тихоокеанского бассейна. В тот период российская власть всерьез задумалась о масштабном освоении Севера и Дальнего Востока.

Царево завещание

География была неизменной страстью царя Петра, что неудивительно: кто любит море, тому придется по душе и открытие проливов с архипелагами. Первый русский император мыслит стратегически, стремится проложить торговые пути в Америку.

Однажды выдающийся немецкий философ и математик Готфрид Лейбниц поставил государя в тупик вопросом: «Существует ли сухопутная граница Азии с Америкой? А если эти континенты разделены морем, удавалось ли русским морякам добираться до Америки?»

Ответа у нашего самодержца не нашлось. Но сдаваться было не в его традициях. Мысленно Петр поклялся разгадать географический ребус, тем более что речь шла не только о любознательности Лейбница, но и о государственном интересе.

Еще в 1713 году корабельный мастер Федор Салтыков представил царю «Пропозиции» условий плавания вдоль берегов Сибири, предлагал построить в устьях Оби, Енисея и Лены суда и пройти на них морем между устьями, отыскивая удобные якорные стоянки, исследуя глубины, скорость течений, прибрежные острова, мысы, донные грунты. Командирам кораблей рекомендовалось записывать в журналах сведения о встречающихся народах, зверях, местностях, о наблюдаемой погоде. Петр с уважением отнесся к данному проекту. Он давненько грезил о новых богатых землях на Востоке и Севере, до которых не доходили руки. Войны, в которых прорывался к морям-океанам, мешали ему бросить значительные силы на освоение далеких снежных пустынь и сулящих немалую выгоду путей.

Время пришло в 1724 году. Многоопытный государь избрал для этой миссии Витуса Беринга. Тот участвовал в индийских экспедициях, а это для императора было важнее любого диплома: ходил в Индию — значит, и на северных морях не дрогнет.

А ведь Петр Алексеевич мог, в принципе, и раньше кое-что узнать о границе с Новым Светом. Русские землепроходцы много десятилетий назад установили географическую истину, однако их открытие слишком долго оставалось неизвестным — челобитная Семена Дежнева о прохождении им и его людьми в 1648 году пролива между материками пылилась «под сукном» в якутском воеводстве. В столице о таких подвигах никто не знал — даже вездесущий император. Что же находится восточнее Камчатки? Соединяется ли Азия с Америкой или разделяется водой? Дежнев на эти вопросы давно ответил, и если бы Петр ведал про его поход, то он бы и Лейбница охотно поставил в известность.

Вышло иначе — пришлось снаряжать экспедицию, равных которой

не знала прежде русская история. Император лично составил инструкцию для Беринга: «На Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами, плыть на этих ботах возле земли, которая идет на нора, искать, где она сошлась с Америкой, и самим побывать на берегу и, поставя карту, приезжать сюда».

В наше время даже представить трудно, насколько дерзкое предприятие задумал царь. Это было первое путешествие, организованное у нас на государственном уровне. И сразу — столь масштабное и такое далекое.

Витус или просто Иван Иванович

Петр I умер 28 января (по старому стилю) 1725-го. Витус Ионассен Беринг начал выполнять его волю. Путь на Камчатку — неблизкий, а командор умел поспешать, не торопясь. Соратники называли его Иваном Ивановичем. По-русски он говорил с заметным акцентом, однако общий язык находил и с боярами, и с крестьянами. Служивший в России врач и геолог немецкого происхождения Георг Стеллер годы спустя вспоминал: «Покойный капитан-командор Витус Беринг был по рождению датчанин, по вере праведный и благочестивый христианин, по поведению благовоспитанный, дружелюбный, спокойный человек, по этой причине любимый всею командой, снизу доверху... Он всегда стремился изо всех сил и способностей наилучшим образом выполнить порученное, хотя сам признавал и часто сетовал, что у него не хватает сил нести такое бремя».

Образ великого путешественника исполнен некоторой таинственности. Всем известный «щекастый» портрет — на самом деле изображение родного дяди-тезки, придворного датского поэта, в честь которого Витус и получил свое имя. Картину обнаружили в архиве праправнучки Беринга и тогда же

Карта экспедиций В. Беринга

На Командорских островах

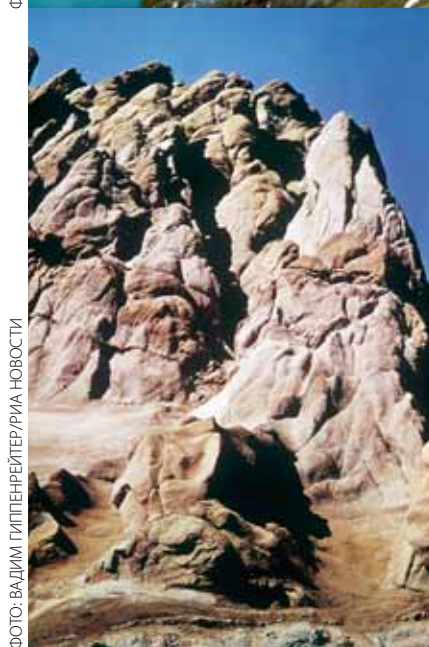

ФОТО: ИТАР-ТАСС

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: ВАДИМ ПИПЕНРЕЙТЕР/РИА НОВОСТИ

приняли за «порсуну» знаменитого командора. Близкий к реальному облик мореплавателя удалось установить только в 1991 году, по черепу. Оказалось, что Иван Иванович был крепким, жилистым человеком среднего роста.

Его правой рукой в экспедиции стал лейтенант Алексей Чириков, выпускник знаменитой петровской Школы математических и навигацких наук и Петербургской морской академии. У него рано проявились задатки ученого, в походе он, кроме прочего, отвечал за науку.

В. Беринг

Участвовал в Первой Камчатской еще один яркий выученик этой академии — Михаил Гвоздев, выдающийся военный геодезист, картограф, навигатор, продолживший дело Беринга, когда тот на некоторое время вернулся в Петербург. Именно Гвоздев будет командовать ботом «Святой Гавриил» в момент первого причаливания к берегам Аляски: судно пополнит запасы пресной воды в районе нынешнего мыса Дежнева. Подобно Берингу и Чирикову, Михаил Спиридонович был первопроходцем и по духу, и по судьбе.

До Якутска путешественники добирались то по воде, то по суше — на небольших судах и телегах.

После пришлось продираться по бездорожью. В Охотске, в соответствии с приказом Петра, построили шитик «Фортуна», на котором достигли Большерецкого острога. Далее имущество экспедиции отправили по рекам Большой, Быстрой и Камчатке, зимой использовали собак. Отряд преодолел больше 800 верст в непогоду, по неизведанной местности, и к весне 1728 года достиг устья реки Камчатки, где к тому времени уже существовало небольшое русское поселение — острог Нижнекамчатский. Там можно было немного передохнуть.

сражениях — тридцать лет верой и правдой служил исследователям, русским первопроходцам северных и дальневосточных морей.

Залив Креста и бухта Провидения

Историческое морское путешествие началось посреди календарного лета 1728-го — 13 июля. Мичман Чаплин тщательно вел записи в бортовом журнале: «Провианту положено: муки 458 пуд 29 фунтов, сухарей 116 пуд 25 фунтов, круп 57 пуд, мяса 70 пуд, рыбы соленой 10 бочек 21 вязка, жиру рыбьего 2 боч-

Бот «Святой Гавриил»

Неподалеку от урочища Ушки посланный вперед судостроитель Федор Козлов выбрал место для первой верфи на полуострове и заложил бот «Святой архангел Гавриил». Корабельное оборудование для него удалось в сохранности доставить из Петербурга. Это было поистине выдающееся, созданное для великих свершений судно — на вид неказистое, но с характером прирожденного победителя. Его штурманом стал гардемарин Петр Чаплин, успевший в первые — континентальные — месяцы экспедиции проявить и расторопность, и негиббемый норов.

На борту имелась артиллерия, однако прославился корабль не в

ки, соли 2 пуда, сала говяжьего 7 пуд 20 фунтов, пороху 7 пуд 27 фунтов, воды 35 бочек, квасу 2 бочки, гороху 2 пуда, дров сажень с 5 или 6».

Первое географическое открытие экипаж «Святого Гавриила» совершил через четыре дня после начала похода — Чириков нанес на карту очертания острова Карагинский. Были последовательно открыты Камчатский и Карагинский заливы, залив Креста, бухта Провидения, остров Святого Лаврентия. Моряки работали на совесть. Карты, составленные Берингом и Чириковым, в будущем получают высокую оценку знаменитых путешественников, начиная с Джеймса Кука.

Команду «Святого Гавриила» встречали не только злые ветры. Вставали на пути, но не могли остановить тяжелые обстоятельства и опасные болезни. В августе пионеры достигли пролива, отделяющего Азию от Америки и носящего ныне имя Беринга. Вскоре моряки заметили, что земля, мимо которой они проходили, осталась позади. Далее корабль, подгоняемый сильным ветром, пересек полярный круг, вышел в Северный Ледовитый океан и продолжил сквозь туман движение на северо-восток, в неизведанную даль.

ФОТО: Ф. ЧЕЛНОВ/РИА НОВОСТИ

Русский датчанин был осторожен. Но не следует укорять его за это: свойства натуры многожды помогали ему и соратникам сохранить жизни. Беринг и сам считал, что задачи экспедиции выполнены не до конца, и еще не раз предпринимал попытки прояснить роковой вопрос: «Где начинается Америка?»

Еще одна попытка

В начале осени 1728-го команда возвратилась в Нижнекамчатский острог. Зима прошла в путешествиях по Камчатке. Моряки ремонтировали бот, осваивались на

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Появилось множество китов, а кругом расстирался безбрежный океан. Чукотская суша на север не простиралась. Не приближалась и Америка. Земли впереди не было. Вот вам и решение задачи Петра.

Чириков высказывался за продолжение экспедиции, предлагал идти дальше, к устью Колымы. И все-таки командор принял решение повернуть назад, туда, откуда начали плавание. Несколько лет спустя Михайло Ломоносов сетовал: «Жаль, что, идучи обратно, Беринг следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно бы, мог приметить берега северо-западной Америки».

полуострове. А через год «Святой Гавриил» пошел «к востоку для искания земли, понеже слышали от камчатских жителей, что есть земля против камчатского устья в близости». На европейских картах того времени неподалеку от юго-восточного берега значилась так называемая Земля Гуана да Гамы. Беринг предполагал, что она относится к американскому континенту. Именно поэтому летом 1729-го путешественники попытались двинуться на восток в поисках края, о котором слышали от местных жителей. Однако через три дня, пройдя немногим более 200 километров, из-за сильного ветра и тумана повернули обратно, обогнули

полуостров и 24 июля прибыли в Охотск. Это рискованное плавание не было безрезультатным. Мореходам удалось описать около тысячи километров камчатских берегов. К тому же смельчаки со «Святого Гавриила» открыли Авачинскую губу. Плохая видимость помешала им разглядеть Командорские острова, тогда еще безымянные...

Первая Камчатская стала началом целой череды героических экспедиций, открывших для нас Север и Дальний Восток. Сам Беринг после тех путешествий не был уверен в существовании (либо отсутствии) сухопутной границы между Азией и Америкой. Впрочем, по возвращении в Петербург ему было о чем рапортовать: на счету экипажа «Святого Гавриила» — 155 территориальных и 18 океанографических открытий. Команда нанесла на карту 66 ранее неизвестных географических объектов.

Вскоре в морском ведомстве задумали вторую, невиданную по размаху экспедицию. Она станет прямым продолжением Первой Камчатской. Витус Беринг и Алексей Чириков вновь устремятся к берегам Северной Америки. В реализации этой грандиозной затеи примут участие более пяти-сот морских офицеров, ученых и матросов. Они составят «Карту Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных чрез морское плавание западных американских берегов и острова Япона».

А уж потом туда направятся предприимчивые купцы, пытливые исследователи и, конечно, офицеры — все те, кого мы называем землепроходцами, а Ломоносов величал «росскими Колумбами». Непреодолимых путей для них не существовало. Если эти герои останавливались, то только для того, чтобы после короткой передышки с новыми силами штурмовать непознанное-неизведанное.

Стоп-кадр

Не только сладкая женщина

Николай Ирин

Н. Гундарева. 1984

В заветный список наших любимых актрис послевоенного периода она, несомненно, входит. Врожденное умение тонко чувствовать, остро реагировать и демонстрировать эти свойства-реакции зрителю развилось у нее в театре, а кино дало ей шанс показать собственную психологическую незаурядность на материале «презренного» повседневного быта. И это был мощный культурный прорыв, ради которого артистка проделала работу поистине гигантского масштаба. 28 августа со дня рождения Натальи Гундаревой исполняется 70 лет.

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ/РИА НОВОСТИ

СТОП-КАДР

ПРО ЕЕ НЕВЕРОЯТНОЕ трудолюбие рассказывают все без исключения коллеги, наблюдавшие за Натальей Георгиевной с близкого расстояния. «Я непременно должна работать, у меня не получается так, чтобы я не работала», — признавалась она, еще полная сил и планов, в 1997-м в телеэфире, всего за четыре года до злосчастного инсульта. А первый вопрос, которым Гундарева задалась, едва пришла в себя после удара, звучал как приглушенный вопль ужаса: «Когда я смогу снова играть?!»

В лихие 90-е, она, прима Театра имени Маяковского на протяжении вот уже двух десятков лет, с неизменной готовностью соглашается подменять выбывших на время исполнителей практически в любых ролях: отечественное кино, где прежде Наталья Гундарева была, пожалуй, самой востребованной нашей актрисой, дышит на ладан, а у нее энергии по-прежнему хоть отбавляй.

«Расскажите забавное из Вашей творческой биографии, припомните какую-нибудь хохму, разыграйтесь!» — подкатывает, пользуясь случаем, очередной, охочий до пустопорожних сенсаций, репортер. «Вы думаете, мы, артисты, только и делаем, что веселимся? — возмущается актриса. — По большей части мы, понимаете ли, работаем». При этом — налицо безоговорочное

«Сладкая женщина». 1977

выполнение стандартных постановочных обязательств, отсутствие звездной капризности и даже малейшего намека на благоприобретенный социальный статус.

Друживший с актрисой драматург Виктор Мережко утверждает: «Она была абсолютно подвластна руке режиссера. Лидерство оставалось за режиссером. Она была счастлива, что Господь Бог вывел ее на вот эту актерскую дорогу». Афористичен актер Сергей Чонишвили: «Для нее профессия была необходимостью. Жесткая необходимость».

Гундарева — сверхпрофессиональна. Превратила собственную судьбу с неперенными драматическими обстоятельствами в этакий прииск для добычи драгоценного эмоционального опыта. «Когда

очень хочется плакать, я говорю себе: Наталья Георгиевна, у вас завтра спектакль, так вот всё — на площадку! Когда случаются какие-то катаклизмы в моей жизни, я тоже думаю о том, что мне эти испытания посылаются, чтобы я и это знала», — призналась актриса. Дескать, раз уж выбрала актерскую долю — не фальшивь, сверяйся с реальностью, а главное, не ной, обращай проблему в ее полную противоположность — в работе пригодится.

Между тем многие материалы, посвященные ушедшей от нас в 2005-м артистке, оказались сфокусированы на нюансах личной жизни. Зачем-то, наперекор методичным уверениям Натальи Георгиевны, рассказчики обоих полов и разных возрастов всплескивали руками, деланно сокрушались: и с мужчинами-то ей не везло, и отсутствие детей чудовищно тяготило. Откуда взялась подобная не то осведомленность, не то «прозорливость»?

Кажется, сама актриса пришла бы в ужас, если бы узнала, какой шлейф за ней — нестигаемой, волевой, целеустремленной — тянулся по воле непрошенных доброхотов еще при жизни. «Никогда не приходила на площадку в дурном настроении!» — удивлялись коллеги. А вот это вполне может означать, что травмы с проблемами, которые ей приписывали и приписывают по сей

«Однажды двадцать лет спустя». 1981

СТОП-КАДР

день, на горизонте ее восприятия выглядели далеко не самыми существенными. Давно ставший стереотипным посмертный плач «по несчастной Наталье» следовало бы сменить на куда более подходящий мотив, а лучше — на гимн в честь великолепной Натальи Георгиевны.

Она родилась в Москве, прожила здесь всю жизнь, но в кино, особенно на первых порах, частенько играла типичных обительниц советской одноэтажной провинции. И всегда строила образ простушки так, что, идя навстречу рядовому зрителю и соответствуя ему внешне, давала персонажу огромные психологические возможности. Тем самым как бы сигнализала зрителям, а заодно их мужьям, детям, сослуживцам: скромная социальная роль не должна ограничивать присущие вам душевную широту, духовное наполнение, самооценку. Первая роль, принесшая исполнительнице всесоюзную известность, сразу же превратившая ее в звезду, в этом смысле особенно показательна. В «Сладкой женщине» (1976) выведена Анна Доброхотова, склонная мастерски приспосабливаться к любой ситуации. Эту деревенскую девчонку, некогда пристроившуюся в городе на кондитерскую фабрику, принято было костерить почем зря, объявлять эгоистичной потребительницей, не усвоившей вдобавок ценные жизненные уроки. Однако Гундарева расширяет исходный образ до размеров глобальных: не утаивая некоторой ограниченности, обрекающей героиню на примитивный гедонизм, актриса, похоже, полностью ее оправдывает. И попутно актуализирует параллельный сюжет: общий манифест второстепенных персонажей сводится к тому, чтобы отучить от безусловного любования жизнью, но Анна сопротивляется, не сдается. Злой Тихон уйму сил тратит на то, чтобы обратить ее в новую веру, приохотив к «страданию»: «Ты, Нюр, какая-то уж больно довольная». Вот именно — довольная. В финале ос-

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ

корбленная и брошенная женщина плачет, но это, конечно, ненадолго. И даже если останется совсем одна, то свою «патологическую» радость, собственный, глубоко выстраданный житейский принцип ни за какие блага не продаст и не предаст.

В «Сладкой женщине» словно дается мистический намек на буду-

щую ханжескую возню доброхотов, ратующих за то, чтобы в памяти потомков Гундарева оставалась вечно страдающей, тайно упивающейся этим тягостным чувством дамой. Хотя одной лишь актерской работы по реабилитации Анны достаточно, чтобы убедиться: манера «томиться и страдать» была Наталье Георгиевне совершенно чужда. Находить радость в житейских мелочах — будь то селедка, конфеты, элементарные бытовые удобства, сдержанная похвала начальницы с официальной трибуны или даже агрессивное внимание запавшего на ее формы случайного грузчика — не причуда настроения, а проверенное кредо.

Ее одноклассник по Щукинскому училищу Константин Райкин, составивший с Гундаревой блестящий лирико-комический дуэт в «Труффальдино...», отмечал: «От нее веяло огромной уверенностью в себе». Это врожденное? Не факт. В эпоху, когда девочка, а потом девушка выросла, через целомудренно-робкую рекламу, журналы мод и черно-белые телевизионные вбросы утверждался стандарт красоты, который не сулил Наташе ничего хорошего. Со смехом, явно замешанным на былых эмоциях, она впоследствии рассказывала, как насмеялся школьный учитель физкультуры: «Гундарева, отой-

«Паспорт». 1991

ди-ка от брусьев, ты их сломаешь!» Комментировала и свои девичьи комплексы — понимала, что таких в «актрисы не берут». Между тем актерство подступало и соблазняло со всех сторон.

На Таганке, где она ребенком училась грамоте, было несколько домов, заселенных артистами. Их дети занимались в той же школе, поэтому походы в столичные «очаги культуры» были для девочки делом обыкновенным, даже обязательным. Наташа занималась в Театре юных москвичей при Дворце пионеров на Ленинских горах. Из-за полноты она в основном играла взрослых. Исполнительницу выделяли не только за фактуру, но и за стихийный профессионализм. Оказавшийся в зале видный театральный критик прямо во время спектакля громко прокомментировал, пораженный качеством ее игры: «Да это же готовая актриса!»

Ушедший из семьи отец и безгранично любившая Наташу мать были инженерами. Девушке, по идее, тоже предстояло окончить инженерно-строительный институт и постепенно растратить свой бешеный темперамент в общении с чертежной доской. Однако в нужный момент возник на жизненном пути друг детства Виктор Павлов (с ним Гундарева познакомилась в том самом Дворце пионеров). Он-то и потребовал не предавать дар свыше, предложил забыть о кульмане и ватмане, не обращать внимания на свою роскошную, но как будто не вполне уместную на сцене-экране телесность и отправиться поступать в «Щуку». Наталья отважилась

и прошла по конкурсу. В стандартной анкете набиравшего курс Юрия Катина-Ярцева навсегда остались пометки: «Гундарева: толстая, искренность есть, обаяние есть». А дальше зачеркнут исходный вариант одного из эпитетов: вместо «высокоодаренная» вписано «исключительно одаренная».

Уже на втором курсе она удостоилась особой оценки. Ректор и знаток театральных традиций Борис Захава, посмотревший отчетный спектакль с участием Гундаревой, обескураженно повторил вывод критика из Наташиного прошлого: «Ее больше нечему учить!»

По окончании института за нее боролись лучшие московские театры, а Гундарева, к удивлению многих, выбрала «Маяковку». Режиссер Андрей Гончаров слыл резким и жестким. «Он сумасшедший!» — примерно такими словами пытались сбить Гундареву с намеченной цели. Она же, будучи девушкой

умной и в то же время непреклонной, отвечала коротко и внятно: «Люблю сумасшедших!» В Театре имени Маяковского уже через несколько лет Наталья станет прямой, на которой будет держаться репертуар. Ее начнут боготворить как зрители, так и рафинированные критики.

«Как преданно, беззаветно она служила этому месту — театру», — восклицал спустя годы ее партнер по сцене Игорь Костолевский. Кинокарьера Натальи Георгиевны успешна, но парадоксальна: в фильмографии есть, пожалуй, лишь один безупречный шедевр — «Осенний марафон» (1979), а еще пара десятков картин очень хороших или просто достойных, мастерски сработанных. Независимо от качества драматургии и особенностей режиссуры Гундарева везде равна себе: мощная, притягательная, «народная» и при этом рафинированная, аристократичная. Ее актерская техника филигранна, проникновение в образ и понимание авторского замысла безупречны.

Дуся из «Осени» (1974), Катя из «Вас ожидает гражданка Никанорова» (1978), Надежда Круглова из «Однажды двадцать лет спустя» (1980), Альдонса-Дульсиня из «Дульсиней Тобосской» (1980), Вера Голубева из «Одиноким предоставляется общежитие» (1983), Татьяна Павловна из «Подростка» (1983), императрица Елизавета из «Виват, гардемарины!» (1991), княгиня Шадурская из «Петербургских тайн» (1994) — в нашем национальном культурном коде прописались-отразились навсегда.

Специфическая внешность сначала ей казалась препятствием для самореализации — типажные принципы в кино незыблемы. Ее приглашали на соответствующие внешним параметрам роли, а она умудрялась выходить за установленные пределы, являя, помимо канонической русской стати с основательностью, поразительно утонченный психологизм.

На семи холмах

На дачу, в глушь, в Сокольники

Ольга Марьяновская

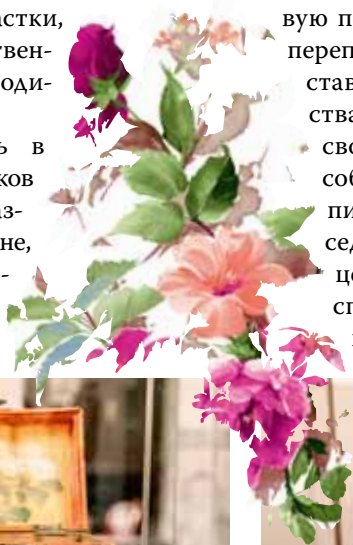
В небольшом музее популярного столичного парка, когда-то названного в честь мастеров соколиной охоты, открылась своеобразная, «чисто московская» выставка — «Дачные Сокольники: дома и знаменитые владельцы».

Экспозиция рассказывает и показывает, отчего во второй половине XIX века москвичи облюбовали этот район для летнего отдыха, почему сюда съезжался весь цвет городского общества и как эти достойные граждане совмещали труд и развлечения.

ОДНИМ из первых местных обитателей был московский генерал-губернатор граф Федор Ростопчин. Он владел усадьбой и домом, сгоревшим во время пожара 1812 года.

Расцвет дачной жизни начался в середине XIX столетия. При императоре Николае I утвердили планировку парка, посадили деревья, проложили просеки, соорудили новые водные системы. Богатые московские купцы приобрели участки, отстроили красивые, преимущественно деревянные жилища, облагородили территорию.

Многие помещения сдавались в аренду, в результате среди дачников перемешались представители различных сословий — дворяне, мещане, священники, выходцы из купечества. Несколько позже к ним добавились и рабочие.

ного короля Петра Смирнова, золотопромышленника Николая Стахеева (много позже он станет прототипом Кисы Воробьянинова) и ресторатора Ивана Тестова, чье заведение посещали даже члены императорской фамилии, самого богатого российского миллионщика начала XX века Николая Второва и железнодорожного магната Карла фон Мекка (его вдова Надежда Филаретовна оказывала финансовую помощь Чайковскому и вела с композитором переписку), а также многие другие видные представители отечественного предпринимательства. Уклад жизни, как водится, был проще и свободнее столичного: купались, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды, играли, состязались, пили чай на открытом воздухе, общались с соседями, по вечерам посещали концерты, танцевали, ставили и смотрели любительские спектакли. В саду хозяйки варили на зиму душистое варенье, разводили цветники. Отцам

На выставке можно узнать о выдающихся людях, живших и гостивших в Сокольниках. На стендах представлены фото существующих по сей день и, увы, не сохранившихся зданий, портреты их хозяев, рассказы о нескольких поколениях купеческих семейств, об использовании построек в советский период.

Когда-то тут по соседству — или неподалеку друг от друга — находились дачи владельца знаменитого чайного дома на Мясницкой Сергея Перлова и водоч-

ных семейств, прозванным «дачными мужьями», приходилось ездить на службу в город и попутно исполнять многочисленные поручения домашних.

О вкусах и пристрастиях тогдашних дачников дают некоторое представление антикварные вещи из частных коллекций, выставленные в витринах: колоритные жестяные коробки из-под пастилы и соломки «Товарищества А.И. Абрикосова сыновей», из-под чая торгового дома «Василий Перлов с сыновьями», водочная бутылка с надписью на этикетке «Смирнов». Рядом — предметы из чайного сервиза, медный самовар, милые дамские безделушки, вышитые бисером кошельки и салфетки, журналы и выкройки. Сохранились фрагменты одного из разрушенных домов. На старинных фотографиях — виды парка, канувших в Лету чайных, ресторанов, санаториев, окрестностей, подлинные письма и почтовые открытки, адресованные местным жителям на рубеже XIX и XX столетий.

В уголке музейной комнаты стоит патефон, сотрудники-хозяева заведут его для посетителей и поставят старинную пластинку.

Центром культурной жизни был когда-то «царский» павильон «На кругу», построенный по проекту Дмитрия Чичагова в дни торжеств по случаю восшествия на престол Александра III и императрицы Марии Федоровны и посвященный 200-летию Преображенского и Семеновского полков. Впоследствии здание использовалось как театр, а на его сцене блистали Федор Шаляпин, Леонид Собинов, Антонина Нежданова, играл на рояле молодой Сергей Прокофьев, проходили Обще-доступные симфонические концерты под управлением дирижера Константина Сараджева.

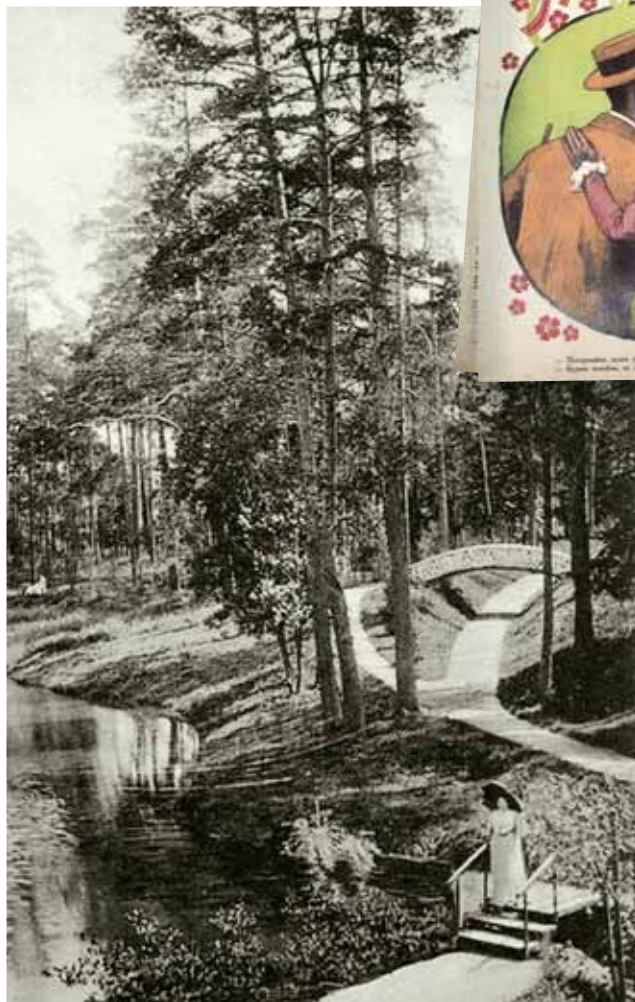
В музее можно увидеть фотографии павильона, разрушенного в советское время. Теперь на его месте фонтан.

Красота природы, тишина и свежий воздух Сокольников полюбили в свое время и людям творческим, цвету отечественной литературы и национального искусства. Лев Толстой приезжал в парк ради конных прогулок. Здесь периодически отдыхали писатель Лесков и композитор Бородин. Живописец Николай Касаткин построил в Ростокинском проезде дом-мастерскую и прожил в нем много лет. Запечатлели местные пейзажи на своих полотнах Саврасов и Шишкин, а одна из самых известных картин Левитана носит название «Осенний день. Сокольники». Наведывался сюда и главный бытописатель загородной жизни Антон Павлович. На одном из музейных стендов можно прочесть шуточные чеховские «Дачные правила». В 1920-е снимали дачу в конце Майского просека Маяковский и чета Брик.

С помощью фотоснимков и стендовых комментариев рассказывается история церкви святителя Тихона Задонского. Она была построена на пожертвования Ивана Лямина (городского головы в 1871–1873 годах), почетного потомственно-го гражданина Дмитрия Лепешкина и других московских благотворителей. Нарядный деревянный шатровый храм возвели в 1876-м «в русском стиле», украсив кокошниками, резными подзорами и наличниками. Сравнительно недавно он был восстановлен из руин и передан скиту Алексеевского ставропигиального женского монастыря.

Среди современных достопримечательностей — отреставрированная дача купчихи Паулины Цигель и самое известное из здешних зданий — дом Ивана Лямина, прославившийся тем, что в нем неоднократно бывал Ленин. Тут, в Лесной школе, отдыхала в конце 1918-го — начале 1919-го Надежда Крупская, а Ильич ее навещал. Во время одного из таких визитов на машину вождя пролетариата напали грабители.

Выставка «Дачные Сокольники» является своеобразным продолжением развернутой в соседнем зале экспозиции «Портрет на фоне пейзажа. Старые Сокольники в лицах». Последняя содержит материалы о многовековой истории дорогого каждому москвичу района.

Сюда приезжал на соколиную охоту царь Алексей Михайлович, а боярин Артамон Матвеев создал для него в старом Преображенском дворце первый русский театр. «Комедийная хоромина» существовала с 1672-го по 1676-й, при ней — театральная школа. Отдельный раздел экспозиции посвящен юным годам Петра I, проведенным в селе Преображенском, потешной крепости Прешбург, строительству кораблей, изготовлению парусов на Хамовном дворе (в районе нынешней улицы Матросская Тишина). Много любопытного можно услышать от экскурсоводов о посещении этих мест и другими монархами династии Романовых.

Традиции благотворительной деятельности в Сокольниках — особая тема. Здесь не только отдыхали, но и активно участвовали в «делах милосердия». В 1870-е предприниматель дворянского происхожде-

ния Павел фон Дервиз построил на свои деньги детскую клинику в честь Святого Владимира. На пожертвования Петра, Александра и Василия Бахрушиных в 1885–1886 годах была возведена больница на Сокольническом поле, где лечили бесплатно, за счет созданного братьями фонда. В начале 1900-х представители этой уважаемой семьи создали в Сокольнической роще и передали в собственность города детский приют для бедных и сирот. На Стромынке купец Николай Боев содержал выстро-

енный им Дом призрения. Купчиха Александра Четверикова оборудовала первый в Москве туберкулезный санаторий. Младший брат основателя знаменитой галереи, городской голова Сергей Третьяков вложил собственные капиталы и собрал от богатых москвичей финансовую помощь на дело расширения границ Белокаменной. В результате городская управа присоединила обширные сокольнические земли в 1879 году к Москве. И учредила первый народный парк, который всех, кто приходит сюда, радует по сей день.

Расположенный на территории парка музей невелик, однако масштаб планов сотрудников и руководителя Ирины Заведеевой поражает. С помощью департамента культуры Москвы этим летом удалось приобрести и установить в залах современное мультимедийное оборудование. Столичное правительство выделило средства на капитальный ремонт «Краснодарского домика», построенного еще

в 1950-е. В нем со временем развернется постоянная экспозиция.

В летние месяцы музей проводит увлекательные велосипедно-самокатные экскурсии и пешеходные прогулки — с краеведом, знатоком истории здешних дач Сергеем Клычковым.

Выставка «Дачные Сокольники: дома и знаменитые владельцы» будет действовать до середины октября этого года.

Трапезная

Язык проглотишь

Максим Сырников

В добром крестьянском хозяйстве при разделке свиной, говяжьей или бараньей туши ничего лишнего не остается. Ливер, черева, головизна, жировая сетка, даже кровь — все идет впрок.

ТАКИЕ ХОЗЯЕВА и колбас непременно накрутят, мясных либо кровяных, и сальник с печенками испекут, и студень из ножек сварят, и головизну для самых разных яств используют.

Но самое вкусное, по мнению кулинаров, — язык. Холодный с хреном, со студнем или сам по себе, он превосходен.

За трапезой, наверное, нелишне будет вспомнить добрым словом метрдотеля Санкт-Петербургского дворянского собрания, замечательного кулинара Игнатия Михайловича Радецкого, автора «Альманаха

гастрономов», вышедшего в пятидесятые годы XIX века.

Изрядно офранцузив русскую дворянскую кухню, он все-таки относился к ней с любовью и уважением, что среди нынешних рестораторов и шеф-поваров — увы, не самая обычная практика. В «Альманахе» имеется рецепт и горячего блюда из уже отваренного говяжьего языка.

Сегодня можно приготовить очень похожее кушанье, которое хорошо дополнит праздничный стол — как особая закуска. Делается это так.

- * *Говяжий язык зачистить, отварить до готовности. Аккуратно срезать с него тонкую кожу.*
- * *Нарезать ломтиками и каждый из них обвалять — сперва в яйце, затем в белых сухарях.*
- * *Подрумянить на двух-трех столовых ложках топленого сливочного масла.*
- * *Сверху — по готовности — выложить жареный лук полукольцами, сдобренный черным молотым перцем.*
- * *Подавать — с хреном, который из фабричной баночки брать в общем-то не рекомендуется. Лучшее всего натереть свежий корешок, добавить туда чеснока, соли, лимонного сока и ложку сметаны.*

К. ГОРБАТОВ. «ПЕЙЗАЖ С ИЗГОРОДЬЮ». 1895

Своя

ИЮЛЬ—АВГУСТ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки